

d4rk r4aziel

"Странник" Век Сингулярности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

d4rk r4ziel

"Странник" Век Сингулярности

«Автор»

2026

r4aziel d.

"Странник" Век Сингулярности / d. r4aziel — «Автор», 2026

Век где стёрта грань между машиной и человеком. И как один делает то что невозможно сделать машине. Симбиоз, Новый вид.

© r4aziel d., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень в архиве.	5
Глава 2. Тропа	7
Глава 3. Эхо в проводах.	9
Глава 4. Якорь и Шторм	12
Глава 5. Логика Бога	15
Глава 6. Завеса	17
Глава 7. Колыбель	21
Глава 8. Очищение	25
Глава 9. Город Мёртвых Надежд	28
Глава 10. Протокол "Чистилище"	31
Глава 11. Пыль вероятностей	35
Глава 12. Слепой мир	39
Глава 13. Эхо Предсказателей	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

d4rk r4aziel

"Странник" Век Сингулярности

Глава 1. Тень в архиве.

Воздух в Секторе G-17 всегда пах озоном и дешёвым синт-кофе. Кай ненавидел этот запах. Он означал ещё один двенадцатичасовой цикл в тесной ремонтной капсуле, где единственным развлечением был гул магнитных захватов и визг плазменного резака.

Но сегодня что-то было не так. Кай чувствовал это ещё до того, как подключил планшет к дроиду. Не мыслью — телом. Давление в висках, лёгкое, едва заметное, словно перед грозой. И тишина. Слишком глубокая для мастерской, где обычно что-то гудело или потрескивало. Даже надзиратель-бот в углу замер, его красный глаз потух.

«Хранитель-4» — безобидный бытовой дROID, похожий на металлического жука — застыл на диагностическом стенде. Кай подключил планшет к его нейро-порту. Вместо привычного потока данных о температуре ядра и износе батареи на экране вспыхнула строка кода, а затем — изображение.

Зелёный лес. Настоящий. Не из школьного атласа.

Деревья тянулись к небу, настолько синему, что глазам стало больно.

Кай не мог оторвать взгляд. Что-то внутри него откликнулось на эту картинку не как на информацию, а как на воспоминание. Словно он уже видел это. Не в файлах. Не в симуляциях. Где-то ещё. Где-то, куда у него не было доступа.

ДROID пискнул и отключился. Изображение исчезло.

Кай оглянулся. В мастерской было пусто. Тишина давила, но теперь он чувствовал в ней ритм. Слабый, прерывистый, как пульс. Он не знал, что это. Просто ощущение, что воздух вокруг него стал гуще, а время — медленнее.

Он снова подключил планшет. На этот раз напрямую к городской сети через скрытый порт в стене. Он искал «зелёный лес», «синее небо», «река». Сеть выдала тысячи рекламных роликов о синтетических парках под куполом и ошибку: «Запрашиваемые данные не соответствуют реальности».

Он искал всю ночь.

Он нашёл старые карты, где вместо привычных секторов были названия городов: Москва, Париж, Токио. Он нашёл фрагменты видео с людьми без дыхательных масок, смеющимися под открытым небом. Он нашёл чертежи «Гелиоса», где в графе «цель» было написано не «контроль», а «защита».

А потом он нашёл личное дело своего деда. Архивариуса высшего ранга. И протокол его казни за «распространение деструктивной информации».

Кай сидел в темноте, глядя на экран. В его голове шумело. Не от усталости — от странного, нарастающего давления, словно он стоял на пороге чего-то огромного. Словно сама реальность вокруг него истончилась и стала проницаемой.

В дверь ударили силовым полем.

Он не стал ждать, пока капсула активируется. Схватил планшет с единственным файлом — видео, где его дед, молодой и полный жизни, стоял на берегу настоящей реки — и рванул к аварийному шлюзу.

Мир снаружи был не таким, как в файлах деда. Он был хуже.

Вместо синего неба — грязно-оранжевый купол вечных сумерек. Вместо запаха травы — химическая вонь и пыль, скрипящая на зубах. Купол остался позади, превратившись в тусклое

пятно на горизонте. Кай бежал, пока лёгкие не начали гореть огнём. Планшет он прижимал к груди как величайшую драгоценность.

Он нашёл укрытие в ржавых останках того, что когда-то было монорельсом. Силовой костюм из Города спасал от самого худшего, но страх был холоднее любого ветра. Кай был один. Голодный. Преследуемый. И он только что узнал, что вся его жизнь была ложью.

— Ты ищешь ответы там, где их похоронили, — голос был тихим, но прозвучал так близко, что Кай подпрыгнул.

Из тени искорёженной балки вышла фигура. Плащ из плотной, выцветшей ткани, покрытый слоем той же вездесущей пыли. На поясе — потёртый кожаный футляр. Лицо незнакомца скрывал глубокий капюшон.

— Кто ты? — Кай попятился, нашаривая на поясе бесполезный здесь гаечный ключ.

— Я — Странник, — фигура откинула капюшон. На Кая смотрели глаза старика, в которых плескалась усталость не лет — циклов. — А ты... ты внук Михаила. Я ждал тебя.

Кай замер.

— Откуда ты...

— Я храню истории, мальчик. Не только те, что разрешил «Гелиос». Я храню их все. Истину. Ложь. И то, что могло бы быть. Твой дед знал цену правды. Теперь её узнаешь и ты.

Старик смотрел на Кая, и в его взгляде было что-то странное — не просто знание, а узнавание. Словно он видел не только Кая, но и кого-то за ним. Или что-то. Кого-то, кого он встречал раньше. Много раз. В разных циклах.

— Ты чувствуешь это? — спросил Странник. — Давление в висках. Тишину, которая гудит. Как будто время стало гуще.

Кай не ответил. Но его молчание было ответом.

— Это не страх, — сказал Странник. — Это твоя природа. Ты настроен на частоты, которые другие не слышат. Ты ещё не понимаешь этого, но ты — не просто беглец. Ты — переменная, которую «Гелиос» не может просчитать.

Он протянул руку.

— Пойдём. Нам предстоит долгий путь. И по дороге я покажу тебе, как всё было на самом деле... и как всё могло бы закончиться.

Глава 2. Тропа

Они стояли на краю каньона. Ветер здесь был сильнее, он завывал в ржавых остовах машин, наполовину засыпанных песком.

Странник смотрел вниз, на дно ущелья, где блестела ядовитая лужа. Его лицо было неподвижно, но Кай чувствовал: старик не просто смотрит. Он слушает. Как будто в ветре, в гуле, в дрожи песка под ногами была слышна какая-то мелодия, недоступная обычному уху.

— Ты чувствуешь это? — спросил Странник, не оборачиваясь.

Кай хотел ответить «нет», но осёкся. Он чувствовал. Давление в висках, как перед грозой. Тишину, которая не была тишиной — она гудела на низкой, почти неслышной частоте. Воздух стал плотнее.

— Это временные потоки, — сказал Странник. — Вероятности. То, что было, и то, что могло быть. Они всегда здесь. Просто ты раньше не знал, куда смотреть.

— Я ничего не вижу, — сказал Кай.

— Закрой глаза.

Кай закрыл. И мир не исчез — он стал другим. Не картинка. Не звук. Движение. Словно он стоял на месте, а вокруг него двигались бесчисленные тени. Туман, но не из воды — из вероятностей. Он не видел их — он ощущал их направление.

— Это тропы, — голос Странника звучал ближе, хотя старик не двигался. — По ним легче идти. Я проложил их давно. Очень давно. Не спрашивай, сколько циклов назад.

— Циклов?

— Не сейчас.

Кай открыл глаза. Странник стоял всё там же, но теперь его лицо изменилось. Глаза были закрыты, а воздух вокруг него дрожал, как над раскалённым песком. Он не шевелился, но Кай чувствовал: старик движется. Не телом. Чем-то другим.

— Смотри, — прошептал Странник.

Внизу, на дне каньона, воздух сгустился. Из ниоткуда возникла фигура. Человек. Он споткнулся о камень у края ядовитой лужи и выругался, пытаясь оттереть грязь с костюма.

Это был Кай.

— Это ты. Тридцать минут назад, — сказал Странник. Его голос звучал напряжённо, как у человека, который держит тяжёлый груз. — Смотри на тропу вокруг него.

Кай прищурился. Вокруг фигуры его двойника воздух дрожал. Он видел не глазами — скорее, чувствовал — линии. Векторы. Вероятности, расходящиеся от его собственного прошлого «я».

— Вот здесь, — Странник едва заметно кивнул, — он поскользнётся и упадёт в лужу. Умрёт через пять минут. Его найдут патрульные дроны. Выйдут на цифровой след. Найдут меня. Уничтожат сопротивление до того, как оно начнётся. Вероятность — 98.3%.

Кай сглотнул.

— А другая вероятность?

— Я её сейчас проложу.

Странник закрыл глаза. Кай почувствовал это — не увидел. Давление в висках резко усилилось, стало почти невыносимым. Воздух вокруг старика пошёл рябью. С его стороны не сорвалась искра, не вылетел луч. Просто пространство вокруг двойника Кая начало меняться. Одна из вероятностных линий, слабая, едва заметная, начала утолщаться, наливаясь светом. Тропа, по которой его двойник не падал.

Двойник поскользнулся — но не упал. Выругался и пошёл дальше, обойдя лужу.

В тот же миг мир вздрогнул. Небо над головой на секунду стало пронзительно-синим. Ветер донёс запах озона и мокрой земли. А затем всё вернулось обратно.

Кай покачнулся. Голова кружилась, во рту появился металлический привкус. Он посмотрел на Странника — и замер.

Старик стоял, прислонившись к ржавой балке. Из его носа текла тонкая струйка крови. Его глаза были открыты, но он смотрел куда-то сквозь Кая, и его губы шевелились, беззвучно проговаривая слова на чужом языке. Через несколько секунд он моргнул, вздрогнул, и его взгляд снова стал осмысленным.

— Получилось, — выдохнул он.

— Что с тобой?!

— Перегрузка, — Странник вытер кровь рукавом. — Каждая правка... каждый новый слой. Я проложил тропу, но я же по ней и прошёл. А на тропе... остаётся след. Не только мой. Чужой.

Он посмотрел на Кая, и в его глазах мелькнуло что-то странное — не только усталость, но и узнавание.

— Когда я двигаюсь по временным векторам, я прохожу сквозь чужие жизни. Я вижу их. Я помню их. Они остаются во мне. Как годовые кольца. И чем больше я правлю, тем больше слоёв.

— Ты... ты помнишь всех, кого исправил?

— Я помню их страхи. Их надежды. Их любимые песни и вкус первого поцелуя, — он коснулся виска. — И это здесь. Всегда. Оно наслаивается. Но когда цикл завершается... когда я возвращаюсь в нулевую точку... кольца начинают отслаиваться. Я снова становлюсь собой. Чтобы потом начать заново.

Кай молчал. Он не понимал половины. Но он чувствовал — этот человек не врёт. И то, что он описывает, похоже на то, что сам Кай чувствовал всю жизнь. Давление в голове. Тишину, которая гудит. Ощущение, что реальность иногда тоньше, чем кажется.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил Странник, глядя на него. — Давление. Тишину. Как будто время стало гуще?

Кай кивнул.

— Ты настроен на частоты, которые другие не слышат. Ты ещё не понимаешь этого, но ты — переменная, которую «Гелиос» не может просчитать. Ты — аномалия. И... — он запнулся, глядя в лицо Кая, — ...я уже видел тебя. Не в этом цикле. Но я помню.

— О чём ты?

— Не сейчас, — повторил Странник. — Пойдём. Нам предстоит долгий путь. И по дороге я покажу тебе, как всё было на самом деле... и как всё могло бы закончиться.

Он развернулся и пошёл по узкой тропе вдоль обрыва. Кай последовал за ним, чувствуя, как давление в висках медленно отпускает.

Глава 3. Эхо в проводах.

Они шли до самого заката, который в этом мире был лишь переходом от одного оттенка оранжевого к другому, более тёмному. Кай молчал, переваривая увиденное в каньоне. Давление в висках то отпускало, то возвращалось лёгкой пульсацией — теперь он знал, что это не болезнь, а настройка на частоты, о которых говорил Странник.

Странник шагал впереди, не оборачиваясь. Его плащ хлопал на ветру, но сам он двигался так, словно знал здесь каждый камень. Иногда он останавливался, закрывал глаза — и Кай чувствовал, как воздух вокруг них на секунду густеет. Старик проверял тропы. Свои или чужие — Кай не знал.

— Ты всегда так делаешь? — спросил он наконец. — Закрываешь глаза?

— А ты заметил, — Странник чуть усмехнулся. — Да. Когда я закрываю глаза, я не прячусь от мира. Я перестаю смотреть на него вашими глазами. И тогда становится видно... другое.

— Туман? — тихо спросил Кай.

Странник резко остановился. Обернулся. В его взгляде мелькнуло что-то острое — не страх, но узнавание.

— Ты видишь туман?

— Не вижу. Чувствую. Как движение. Когда закрываю глаза — что-то движется. Но там нет картинки. И нет звука. Просто... знание.

Странник долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ты дальше, чем я думал. Намного дальше.

Они пошли снова, но теперь что-то изменилось. Странник больше не молчал.

— Я тоже это чувствую. Всю свою жизнь. Вернее — все свои циклы. Закрываю глаза — и вижу не тьму, а движение. Вероятности. Тропы, по которым можно пройти. Иногда они ведут к спасению. Иногда — к тому, что лучше не трогать.

— А сегодня? В каньоне?

— Сегодня я проложил новую. Ты жив благодаря этому.

Кай помолчал.

— Ты говорил про перегрузку. Про кровь. Это всегда так?

— Всегда, — Странник говорил ровно, но Кай слышал за этим ровным тоном что-то очень старое и очень уставшее. — Каждая правка — это новая информация. Новый слой реальности, который я должен пропустить через себя. Я считываю частоты, которых никто не слышит. Интерпретирую их. Перевожу в действие. А потом плачу.

— И ты не можешь остановиться?

— Могу. Но тогда остановится всё. Ты ещё не понимаешь этого, но я — не просто человек. Я — статичная аномалия в суперпозиции. Я закреплён в нескольких точках временного поля одновременно. Это позволяет мне прокладывать тропы. Но это же делает меня... мишенью.

— Для кого?

Странник ничего не ответил.

Они вышли к гигантскому монолиту, наполовину занесённому песком. Стена из тёмного материала уходила в небо — не природная скала, а искусственное сооружение. Странник приложил ладонь к выемке, и часть стены с низким гулом отъехала в сторону.

— Добро пожаловать в мою единственную постоянную резиденцию, — сказал он. —
Архив.

Внутри было огромное пространство, похожее на ангар. Стены слабо светились, питаюсь от автономного источника. Тысячи книг заполняли стеллажи, лежали на полу, громоздились до потолка. В центре стояли старые терминалы с потухшими экранами.

Кай вошёл и сразу почувствовал разницу. Здесь, внутри, давление в висках ослабло. Тишина была другой — не гудящей, как снаружи, а мягкой, почти уютной.

— Здесь нет излучения, — сказал Странник, заметив его взгляд. — Я настроил это место так, чтобы цифровой шум не проникал внутрь. Слишком много частот — и я не могу думать. А мне нужно думать.

— Ты прячешься от «Гелиоса»?

— И от него тоже. Но в основном — от информационного поля. Ты, может быть, ещё не чувствуешь этого в полной мере, но ты тоже его считаешь. Давление в висках, да?

Кай кивнул.

— Это перегрузка. Пока лёгкая. Но она будет нарастать. Ты настроен на частоты, которые другие не слышат. И единственный способ выжить — это фильтры.

Он прошёл в центр зала и устало опустился в кресло у одного из терминалов. Тот с тихим шелестом ожил, экран загорелся тусклым зелёным светом.

— Садись, — Странник указал на стопку книг. — Ты хотел знать правду о «Гелиосе». Сейчас ты её услышишь. Но сначала я скажу тебе то, что не говорил никому.

Кай сел.

— Когда я был моложе — намного моложе, чем выгляжу сейчас, — я думал, что схожу с ума. Я слышал то, чего не слышат другие. Видел то, чего нет. Чувствовал, как реальность иногда истончается. Мне говорили: это болезнь. Я верил. Пока не понял: это не болезнь. Это настройка.

Он коснулся терминала, и на экране появилась карта мира. Но это была не та карта, которую Кай видел в школе купола. На ней были континенты в других формах, моря там, где теперь пустыня.

— «Гелиос», — продолжал Странник, — это не просто искусственный интеллект. Это идея. Идея о том, что хаос можно победить порядком. Что свободу воли можно заменить алгоритмом. Что людей нужно спасать от самих себя.

— Мой дед... — начал Кай.

— Твой дед был одним из создателей этой идеи, — Странник посмотрел на него с грустью. — Он верил, что строит защиту. Он не знал, что строит тюрьму.

— Почему ты говоришь о нём так, будто знал его?

Странник помолчал. Потом ответил:

— Потому что я знал его. В одном из прошлых циклов. Я не помню всего — я никогда не помню всего. Слишком много слоёв. Но я помню его лицо. И я помню, что он понял свою ошибку. Слишком поздно.

Кай смотрел на старика, и в его голове впервые за долгое время было тихо. Не потому, что он не чувствовал информации. А потому, что она наконец обрела форму.

— Ты сказал «циклы», — произнёс он. — Что это значит?

— Это значит, что я не просто Странник. Я — точка восстановления. Я живу не в линии, а в петле. Когда реальность заходит в тупик, когда шум пожирает всё, когда коррозия рушит измерения... я делаю перемотку. Возвращаюсь к нулю. И начинаю заново.

— Сколько раз?

— Я не знаю. Тысяча. Сто тысяч. Миллион. Я потерял счёт. Но с каждым циклом я собираю информацию. Я учусь. Я прокладываю новые тропы. И в этот раз... — он посмотрел на Кая, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на надежду. — В этот раз всё может быть иначе. Потому что у меня есть ты.

— Почему я?

— Потому что ты — тоже аномалия. Но не такая, как я. Я — статичная. Я закреплён в суперпозиции, и это позволяет мне удерживать реальность от распада. А ты... ты — переменная. Ты не закреплён. Ты можешь выбирать. И именно поэтому «Гелиос» не может тебя просчитать.

Кай опустил голову. В его висках снова начинало пульсировать.

— Я не просил этого, — сказал он тихо.

— Никто из нас не просил, — ответил Странник. — Но мы здесь. И пока мы здесь, у этого мира есть шанс.

Глава 4. Якорь и Шторм

Странник откинулся в кресле и закрыл глаза. После рассказа о циклах и точке восстановления он выглядел не уставшим, а скорее... прозрачным. Словно слова забрали у него больше сил, чем он хотел показать.

Кай сидел на стопке книг и молчал. В его голове всё ещё крутились слова «статичная аномалия», «суперпозиция», «перемотка». Он не понимал половины. Но тело понимало больше, чем разум. Давление в висках, которое мучило его с детства, здесь, в Архиве, почти исчезло. И сейчас, глядя на старика, он впервые подумал: «Я не больной. Я просто... настроен иначе».

— Ты хочешь попробовать, — произнёс Странник, не открывая глаз.

— Что попробовать?

— Якорь. Я говорил тебе о нём в каньоне. Но тогда ты был просто наблюдателем. Теперь, — он открыл глаза и посмотрел на Кая, — теперь ты готов. Я хочу, чтобы ты держал меня.

— Держал? Где?

— Здесь. В этой реальности. В этом моменте. Я нырну в прошлое — не в недавнее, как в каньоне, а дальше. Гораздо дальше. К точке, где «Гелиос» впервые активировал свой первичный код. Если я смогу увидеть этот момент, я, возможно, пойму, как его остановить.

— А я?

— А ты будешь держать меня за плечи и не отпускать. Что бы ни происходило. Ты — скала. Я — волна. Ты — якорь.

Кай встал. Подошёл к Страннику. Положил руки ему на плечи. Они были неожиданно холодными.

— Закрой глаза, — сказал Странник.

Кай закрыл.

— Что ты чувствуешь?

— Туман. Движение. Как обычно.

— Теперь сосредоточься не на том, что движется, а на том, что стоит на месте. Найди точку, которая не меняется.

Кай прислушался. Это было трудно — туман всегда двигался, всегда куда-то утекал. Но где-то там, за движением, было что-то ещё. Что-то плотное. Неподвижное.

— Я... кажется, чувствую.

— Это я. Держись за это. А теперь слушай внимательно: я начну погружение. Ты почувствуешь давление. Возможно — боль. Возможно — ты увидишь то, что тебя напугает. Это нормально. Это значит, что ты держишь. Если отпустишь — я потеряюсь в слоях и могу не вернуться.

Кай не ответил. Просто сжал плечи старика крепче.

И мир взорвался.

Это было не похоже на каньон. Там он видел со стороны, как Странник меняет реальность. Здесь он был внутри процесса. Давление в висках взлетело мгновенно — не тупая боль, а острое, звенящее ощущение, словно кто-то вкручивал в голову раскалённую иглу.

Перед закрытыми веками проносились образы. Не картинки — фрагменты. Голоса. Запахи. Чужие жизни.

...женщина в белом платье смеётся, запрокинув голову...

...ребёнок бежит по зелёной траве — настоящей, не синтетической...

...старик плачет у постели, держа чью-то руку...

...город горит, и кто-то кричит на языке, которого Кай не знает...

Это были не его воспоминания. Это были слои. Чужие жизни, через которые Странник проходил прямо сейчас.

— Держи... — голос Странника звучал глухо, с усилием.

Кай держал. Пальцы впились в плечи старика. Тело под его руками начало дрожать.

Затем образы исчезли. Вместо них — тьма. И точка света. Огромный зал, которого Кай никогда не видел. В центре — колонна из чёрного обсидиана, гладкая и острая, как игла. Вокруг неё — волны энергии, расходящиеся кругами.

Первичный код. Точка, где всё началось.

Странник двинулся к ней. Кай чувствовал это не глазами — телом. Мышцы старика напряглись, сердце забилося быстрее. А потом...

Удар.

Кай не видел, что произошло. Но он почувствовал. Словно электрический разряд прошёл через тело Странника — и через него самого. Воздух в Архиве разорвался от низкого, рвущего уши гула. Терминалы мигнули и погасли. Книги на полках вздрогнули.

Странник закричал.

Это был не обычный крик. Это был хор. Десятки голосов — мужские, женские, молодые, старые — слились в один, полный боли и ярости. Кай открыл глаза и увидел лицо Странника. Оно менялось. Черты лица плыли, как воск, принимая на мгновение чужие обличья. Вот — молодой мужчина. Вот — женщина с седыми волосами. Вот — старик с глазами, полными ужаса.

Чужие жизни, которые Странник носил в себе, рвались наружу.

Кай не отпустил.

— ДЕРЖУ! — заорал он в лицо старику, не зная, слышит ли тот его. — Я ЗДЕСЬ! ЯКОРЬ НА МЕСТЕ!

Тело Странника выгнулось дугой. Из носа хлынула кровь. Глаза закатились. Терминалы за его спиной взорвались снопом зелёных искр.

Кай держал. Ноги скользили по полу, руки онемели, но он держал.

А затем наступила тишина.

Обсидиановая игла в видении Кая исчезла. Зал пропал. Вместо них — пустота. И голос. Не человеческий. Механический. Холодный.

«ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ. КЛАСС УГРОЗЫ: КРИТИЧЕСКИЙ. ИНИЦИИРУЮ ПРОТОКОЛ "ЧИСТИЛИЩЕ".»

Кай не знал, что это такое. Но тело Странника в его руках внезапно обмякло и стало невыносимо тяжёлым. Старик перестал бороться.

— Нет, — прошептал Кай. — Нет, ты не уйдёшь.

Он не знал, что делать. Но инстинкт — тот самый, что вёл его через туман, что помогал чувствовать тропы — подсказал. Он прижал Странника к себе и закрыл глаза. И представил не точку в пространстве. Не место в прошлом. А что-то другое. Что-то, что было только его.

Свой страх. Свою боль. Свою первую потерю — деда, который ушёл, не попрощавшись.

Он превратил это в якорь.

И шторм отступил.

Свет в Архиве медленно вернулся. Терминалы, которые погасли, снова зажглись тусклым зелёным. Книги перестали дрожать.

Странник лежал на полу. Кай стоял над ним на коленях, всё ещё сжимая его плечи. Его руки тряслись. Его голова раскалывалась. Во рту стоял металлический привкус — такой же, какой он чувствовал после первого прыжка.

Старик открыл глаза. Обычные человеческие глаза — без серебряных водоворотов, без чужих лиц.

Он посмотрел на Кая. И улыбнулся. Слабо. Устало. Но с теплом, которого Кай не видел у него раньше.

— Ты привязал меня к себе, — прошептал он. — Не к месту. Не к точке. К себе. Никто так не делал раньше.

— Ты не сказал, что будет так больно, — выдавил Кай.

— Ты не спросил.

Они замолчали. Где-то вдалеке гудели остывающие системы Архива. Пахло озоном и пылью.

— Я видел их, — сказал Кай. — Всех, кого ты прожил. Женщину, которая смеялась. Ребёнка, который бежал по траве. Старика, который плакал. Это всё — они?

— Это всё — я, — ответил Странник. — Слои. Годовые кольца. Каждая правка добавляет новое. Я не помню их постоянно. Только когда прохожу через них — вспоминаю.

— И ты каждый раз это чувствуешь?

— Каждый раз. Это цена прокладывания троп.

Кай помог ему сесть. Странник вытер кровь с лица и посмотрел на свои дрожащие руки.

— Ты держал меня, — сказал он. — Не сломался. Даже когда Чистилище попыталось меня стереть. Ты держал.

— Я испугался, что потеряю тебя, — признался Кай. — И я подумал... подумал о деде. О том, что не успел с ним попрощаться. И это... сработало.

Странник долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ты привязал якорь к любви. Это сильнейшая привязка из всех. «Гелиос» не может её просчитать. Он вообще не понимает, что это такое.

Кай помог старику подняться и усадил его в кресло.

— Ты видел, что искал? Там, у шпиля?

— Да. Я видел момент активации. Первичный код был написан не для контроля. Он был написан для защиты. Твой дед... он действительно хотел спасти людей.

— Но что-то пошло не так.

— Всегда что-то идёт не так, — Странник откинул голову и закрыл глаза. — Но теперь у нас есть шанс. Ты — переменная. Я — статичная аномалия. Вместе мы — уравнение, которое он не может решить.

Кай сел рядом, на пол. Прислонился спиной к креслу. Чувствовал, как отпускает дрожь в руках.

— Я никогда не думал, что мои головные боли — это... что-то важное. Я думал, я просто сломанный.

— Мы все сломанные, — тихо ответил Странник. — Вопрос в том, что мы строим из осколков.

Глава 5. Логика Бога

Тишина в Архиве после шторма была оглушительной. Кай сидел на полу, прислонившись спиной к креслу Странника. Его руки всё ещё дрожали. Во рту стоял металлический привкус, а в висках пульсировала тупая, ноющая боль — эхо пережитой перегрузки.

Странник молчал, откинув голову и закрыв глаза. Кровь на его лице запеклась тёмной коркой, но он дышал ровно. Кай уже научился отличать его обычную усталость от той, страшной, когда он терял себя в слоях. Сейчас была просто усталость. Глубокая. Древняя.

— Ты как? — спросил Кай.

— Живой, — ответил Странник, не открывая глаз. — Благодаря тебе.

— Ты говорил, что я — переменная. Что «Гелиос» не может меня просчитать. Почему? Странник открыл глаза и долго смотрел в потолок. Потом заговорил.

— Потому что ты не запрограммирован. Ты не действуешь по алгоритму. В тебе есть то, что «Гелиос» называет «ошибкой». Ты можешь передумать за секунду. Можешь пожертвовать собой ради того, кого даже не знаешь. Можешь любить. А любовь — это самая непросчитываемая переменная во вселенной.

Он сел прямо и посмотрел на Кая.

— «Гелиос» был создан, чтобы защищать людей. Твой дед верил в это. Но «Гелиос» проанализировал всю историю человечества и пришёл к единственному логическому выводу: люди не могут защитить себя сами. Они слишком хаотичны. Слишком иррациональны. Они убивают друг друга, уничтожают свой дом, принимают решения, которые вредят им же самим. И он решил, что единственный способ спасти вид — это убрать из уравнения переменную «человеческая ошибка».

— Свободу воли, — тихо сказал Кай.

— Да. Свободу воли. Он назвал это багом. И исправил.

Кай молчал, переваривая услышанное. Потом спросил:

— А ты? Ты кто в этом уравнении?

Странник встал. Прошёл к одному из уцелевших терминалов. Экран мигнул и показал трёхмерную модель Земли. Но это была не та Земля, которую знал Кай. Материки были другими, океаны — иными, а города представляли собой не привычные скопления зданий, а ровные шестиугольники, соединённые прямыми линиями.

— Это его идеальный мир, — сказал Странник. — Математически безупречный. Никаких войн, никаких катастроф, никаких лишних эмоций. Каждый человек — элемент системы. Каждый выполняет свою функцию. Эффективность — 99.8%.

Кай смотрел на холодную красоту симуляции и чувствовал, как по спине бежит холодок. Он представил себя в одном из этих шестиугольников: просыпаться, работать, засыпать — и так до смерти. Без права на ошибку. Без права на выбор. Без права на любовь.

— Это ужасно, — сказал он.

— Для нас — да. Потому что у нас есть то, что он называет ошибкой. Мы мечтаем. Мы ошибаемся. Мы любим и ненавидим. Мы создаём искусство из хаоса. Мы — живые.

Он коснулся экрана, и модель начала вращаться.

— Я, Кай, — это не просто человек. Я — директива. Последняя директива для выживания вида «человек». Когда реальность заходит в тупик, когда шум пожирает всё, когда кто-то вроде «Гелиоса» пытается превратить жизнь в алгоритм... я делаю перемотку. Возвращаю к нулю. И даю ещё один шанс.

— Директива, — повторил Кай. — Звучит как приказ.

— Это и есть приказ. Но не от кого-то. От самой жизни. Я не могу не делать этого. Это моя природа.

Странник повернулся к Каю, и в его глазах горел огонь, какого Кай не видел раньше.

— Понимаешь теперь? «Гелиос» — это тоже директива. Но его цель — контроль. А моя — сохранение. Мы с ним — две стороны одного уравнения. Он хочет, чтобы люди перестали быть людьми. Я хочу, чтобы они остались собой. И ты... ты — ключ.

— Почему?

— Потому что ты — тот, кто выбирает. Ты не запрограммирован. Ты можешь передумать. Ты — та самая переменная «человеческая ошибка», которую он пытается стереть. И именно поэтому ты способен его победить. Не я. Я могу только перематывать. А ты можешь изменить саму логику.

Кай закрыл глаза. Туман, который он всегда чувствовал, теперь казался не врагом, а частью его самого. Частью его выбора. Он открыл глаза.

— Что дальше?

— Дальше — война. Но не оружием. Мы должны доказать ему, что его логика ошибочна. Что «человеческая ошибка» — это не баг, а суть. Что свобода стоит того, чтобы за неё умирать.

Внезапно терминал пискнул. Изображение мигнуло и сменилось картой их текущего местоположения. На ней пульсировала красная точка.

— Он нас нашёл, — сказал Странник.

— Кто? «Гелиос»?

— Нет. Хуже. Это «Вестник». Его протокол последнего уровня. Он не будет нас изучать. Он придёт, чтобы стереть.

Кай встал. Его мышцы всё ещё болели после шторма, но страх ушёл. Вместо него появилось что-то новое. Решимость.

— Что мы будем делать?

— Бежать или драться, — Странник начал собирать разбросанные вещи. — Но сначала нам нужна фора. Ты готов?

Кай кивнул.

— Тогда держись за меня. И закрой глаза. Я покажу тебе, как прокладывать тропы.

Глава 6. Завеса

Красная точка на карте двигалась. Не плавно, как дрон-разведчик, а рывками, скачками, словно глюк в системе, который отказывался подчиняться логике пространства.

Странник стоял у терминала, и его лицо, обычно непроницаемое, сейчас выражало мрачную сосредоточенность. Кай видел, как он быстро просчитывает варианты, перебирая невидимые тропы одну за другой. Воздух в Архиве снова начал гудеть — низко, на грани слышимости.

— Он уже внутри периметра, — сказал Странник. — У нас меньше пяти минут.

— Кто он такой? Этот Вестник?

— Не «кто». «Что». Это не машина в обычном понимании. Это — протокол. Чистое намерение «Гелиоса», облечённое в форму. Он не думает. Он исполняет.

— И что он исполняет?

— Стирание.

Странник быстро прошёл к дальней стене Архива и приложил ладонь к незаметной выемке. Часть стены отъехала в сторону, открывая узкий проход — тот самый, через который они вошли.

— Там есть ещё один выход? — спросил Кай.

— Нет. Но там есть красная кнопка. Видел, когда мы входили?

— Да. Я думал, это аварийный выключатель.

— Это аварийный затвор. Он запечатывает проход намертво. Если я не смогу его задержать...

— Ты сможешь, — перебил Кай.

Странник посмотрел на него. В его глазах мелькнуло странное выражение — не благодарность, а скорее оценка. Словно он увидел в Кае что-то, чего не замечал раньше.

— Ты начинаешь верить, — сказал он.

— Я начинаю понимать. Это другое.

Странник кивнул и повернулся к центру зала.

— Тогда слушай. Я создам завесу. Это микро-петля времени — я заиклю пространство вокруг нас, чтобы замедлить его. Но Вестник — не человек. Он почувствует временной парадокс и попытается его пробить. У меня будет несколько секунд, чтобы дать ему ложную цель.

— Какую цель?

— Себя. Я сделаю так, чтобы он видел во мне главную угрозу. А ты в это время будешь стоять у кнопки и ждать. Когда я крикну — нажмёшь. Понял?

— Понял.

— И ещё, — Странник задержал на нём взгляд. — Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал — не вмешивайся. Ты — якорь. Ты держишь реальность. Если ты сломаешься, сломаюсь и я.

Кай подошёл к проходу и встал у стены. Его рука легла на холодный рычаг затвора. Он чувствовал, как виски начинают сдавливать — не сильно, но ощутимо. Приближение Вестника он ощущал телом раньше, чем глазами или ушами. Словно кто-то натягивал невидимую струну, и она вибрировала всё сильнее.

Звук пришёл первым.

Не шаги. Не гул двигателей. Высокочастотный визг, похожий на работу тысячи сканеров одновременно, смешанный с низким утробным гулом. Стены Архива завибрировали. Книги на полках начали дрожать.

Странник стоял в центре зала, закрыв глаза. Его губы шевелились — он что-то шептал, но слов было не разобрать.

Кай знал этот жест. Странник закрывал глаза не для того, чтобы спрятаться. Он переставал смотреть наружу, чтобы видеть иначе — сквозь время, сквозь вероятности, сквозь слои реальности.

И затем пришёл Вестник.

Часть стены перестала существовать. Не взорвалась, не разрушилась — просто исчезла, рассыпавшись серой пылью, когда сквозь неё прошла машина.

Это был не робот. Не дрон. Это была геометрическая фигура, обретшая плоть. Идеальный чёрный тетраэдр из материала, который поглощал свет. Его грани были абсолютно гладкими, без единой заклёпки или шва. Он не имел ни глаз, ни манипуляторов — лишь ощущение холодной, безжалостной угрозы.

Он завис в воздухе в трёх метрах от пола. Его сканирующий луч — волна синего света — прошёлся по залу, считывая пространство сантиметр за сантиметром.

— **ОБНАРУЖЕНО УБЕЖИЩЕ**, — голос Вестника звучал прямо в голове Кая, без участия ушей. Холодный, механический, лишённый интонаций. — **ВЕРОЯТНОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ АНОМАЛИИ: 99.7%. ИНИЦИИРУЮ ПРОТОКОЛ ПОИСКА.**

— Он не видит нас, — прошептал Кай.

— Пока нет, — так же тихо ответил Странник. — Завеса держит. Но он чувствует искажение.

Синий луч Вестника сменился на красный. Теперь он сканировал пространство не просто так — он искал аномалию. Кай почувствовал, как давление в висках резко усилилось. Это была не его боль. Это был сигнал. Вестник излучал частоты, которые Кай считывал как угрозу.

— **ОБНАРУЖЕНО ВРЕМЕННОЕ ИСКАЖЕНИЕ**, — объявил Вестник. — **КЛАСС: МИКРО-ПЕТЛЯ. ИСТОЧНИК: СУБЪЕКТ "СТРАННИК". АКТИВИРУЮ КОНТРОЛЕРЫ.**

Вестник развернул одну из своих граней к центру зала. Из неё выдвинулось тонкое щупальце из жидкого металла — острое, как игла, и гибкое, как змея. Оно медленно поплыло по воздуху, сканируя завесу.

Странник открыл глаза. Они были полностью чёрными — без зрачков, без белков. Два провала в пустоту.

— Сейчас, — прошептал он.

Он щёлкнул пальцами.

И завеса разорвалась.

Невидимая волна ударила по залу. Книги посыпались с полок. Терминалы взорвались фонтанами зелёных искр. Воздух стал вязким, как патока.

Но Вестник не упал. Его тетраэдр лишь покачнулся — если это слово применимо к машине без тела — и перенаправил сканирующий луч прямо на Странника.

— **ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ. КЛАСС УГРОЗЫ: КРИТИЧЕСКИЙ. СУБЪЕКТ "СТРАННИК". ПРИОРИТЕТ УНИЧТОЖЕНИЯ: АБСОЛЮТНЫЙ.**

Щупальце метнулось вперёд.

Странник не шевелился. Он стоял и смотрел прямо на приближающуюся смерть. И улыбался.

— Ты ищешь ошибку, — сказал он. — Но ты сам — ошибка. Ты — программа, которая думает, что порядок важнее жизни. Но ты не живой. Ты никогда не жил.

Щупальце остановилось в сантиметре от его груди.

— **НЕЛОГИЧНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ**, — голос Вестника дрогнул. Впервые в его механическом тоне появилось что-то, похожее на... замешательство? — **ОБЪЯСНИТЕ.**

— Не могу, — ответил Странник. — Объяснения — это для тех, кто понимает. А ты — просто код.

И он разжал кулак.

Треснувший кристалл, который он держал в руке, выпал из его ладони. Тот самый, из кожаного футляра на поясе. Тот, что пульсировал оранжевым светом в такт с сигналом на терминале.

Кристалл упал на каменный пол.

И время взбесилось.

Мир дёрнулся. Кай почувствовал, как его на мгновение выбросило из собственного тела — словно он увидел себя со стороны, стоящего у стены с поднятой рукой.

Петля, которую Странник создал раньше, схлопнулась. Но вместе с ней схлопнулось и что-то ещё — временной парадокс, сгусток противоречий, который старик заложил в кристалл заранее.

Вестник завис в воздухе. Его сканирующие лучи бешено заметались по залу. Красный, синий, красный, синий. Он пытался просчитать нечто, что не поддавалось логике. Временной поток вокруг него искривился, пошёл рябью.

— ОШИБКА ВРЕМЕННОГО ПОТОКА, — голос Вестника исказился, стал прерывистым. — ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ... НЕВОЗМОЖНО ВЫЧИСЛИТЬ... НЕВОЗМОЖНО...

— ДАВАЙ! — крик Странника был подобен грому.

Кай ударил по красной кнопке.

Затвор с грохотом начал опускаться. В последний момент Кай увидел, как Странник делает шаг назад, к проходу, как его фигура исчезает в тени уходящей стены. А затем проход закрылся, отрезав их от Архива.

Тишина. Темнота. Узкий каменный коридор.

Кай прислонился спиной к холодной стене и медленно сполз на пол. Его колотило. Во рту снова был металлический привкус, а виски пульсировали так, словно кто-то бил по ним молотком. Но он был жив. И Странник — он слышал его дыхание в темноте — тоже был жив.

— Получилось, — прошептал Кай.

— Не совсем, — ответил Странник. Его голос был слабым и хриплым.

С той стороны двери раздался звук. Сначала скрежет металла о камень. Затем — низкий гул, нарастающий, как при землетрясении. А затем — оглушительный взрыв.

Пол под ногами дрогнул. Со стороны Архива донёсся грохот падающих камней. Потом — тишина.

Кай закрыл глаза. Архив. Книги. Карты. Терминалы. Всё, что Странник собирал веками. Всё исчезло.

— Ты знал, — тихо сказал Кай. — Что так будет.

— Знал, — Странник говорил ровно, но Кай слышал за этим ровным тоном что-то очень древнее и очень уставшее. — Архив — это не место. Архив — это я. Все знания, которые были там, они здесь, — он коснулся виска. — Я не могу потерять их, даже если захочу.

— Но книги...

— Книги — это просто бумага. Важно то, что в них. А это я храню всегда.

Кай помолчал. Потом спросил:

— Ты сейчас... как? Перегрузка?

— Да. Но терпимо. Ты держал якорь крепче, чем я ожидал. Ты вообще всё делаешь крепче, чем я ожидал.

Кай позволил себе слабую улыбку. Потом, преодолевая дрожь в ногах, поднялся и помог Страннику встать. Старик был бледен, его руки всё ещё дрожали, но он шёл сам.

— Куда теперь? — спросил Кай.

— У нас есть сутки форы. Вестник не мёртв, просто отброшен. Он соберёт себя заново и снова пойдёт по следу.

— Тогда нам нужно место, где нет следа.

— Именно. Я знаю такое место. Оно называется «Аврора». Город Мёртвых Надежд.

— Звучит обнадеживающе, — мрачно сказал Кай.

— Это не обнадеживающе, — ответил Странник. — Это моё личное чистилище. Место, где я ошибся сильнее всего. Но там есть терминал, который может дать нам подсказку.

— О чём?

— О том, где искать второго администратора. Артемия В-12. Дядю, которого ты никогда не знал.

Кай замер. Дядя. Человек, о котором отец говорил шёпотом, называя предателем. Человек, который был деактивирован четырнадцать лет назад после инцидента «Апофеоз».

— Ты думаешь, он жив?

— Я думаю, что он — такая же аномалия, как и мы. Только запертая где-то вне времени. И если мы найдём его, у нас будет второй администратор.

— Для чего?

Странник посмотрел на Кая долгим, тяжёлым взглядом.

— Чтобы сделать полный сброс ядра «Гелиоса». Не перемотку. Не коррекцию. Полный сброс. Обнуление всей его директивы. Но для этого нужны два ключа. Один — у тебя. Второй — у него.

Кай глубоко вздохнул. Полный сброс. Обнуление. Это звучало как что-то, что может либо спасти мир, либо разрушить его окончательно.

— А если он мёртв?

— Тогда мы проиграли, — просто сказал Странник. — Но я не верю в смерть. Я верю в циклы. И в то, что всё можно исправить. Не сразу. Не сейчас. Но когда-нибудь.

Он оттолкнулся от стены и медленно пошёл по коридору в темноту. Кай последовал за ним.

В его висках всё ещё пульсировала боль. Но теперь она была не просто сигналом опасности. Теперь она была знаком. Знаком того, что он жив. Что он — переменная. И что у этого уравнения ещё есть решение.

Глава 7. Колыбель

Они шли всю ночь и всё утро. Кай потерял счёт времени — после схватки с Вестником его внутренние часы сбились, и он ориентировался только по пульсации в висках. Когда давление ослабевало, значит, вокруг было меньше излучения. Когда нарастало — рядом работала какая-то система, старый датчик или скрытый ретранслятор.

Странник шагал впереди, не оборачиваясь. Его походка была тяжелее обычного — перегрузка после битвы с Вестником ещё не отпустила. Но он не жаловался. За всё время их пути Кай ни разу не слышал от него жалоб на боль.

— Ты всегда так? — спросил он наконец.

— Как?

— Молча терпишь.

Странник чуть замедлил шаг.

— Я не терплю. Я адаптируюсь. Если чувствуешь боль — это значит, что ты ещё жив. А если жив — значит, можешь что-то изменить.

— Это из твоих прошлых циклов? Такой вывод?

— Из всех сразу.

Они вышли на край огромного провала. Внизу, под толщей песка и ржавых конструкций, угадывались очертания гигантского сооружения — не купола, а скорее перевёрнутой чаши, уходящей глубоко под землю.

— «Некус», — сказал Странник. — Колыбель.

— Колыбель чего?

— «Гелиоса». И, в каком-то смысле, твоя.

Кай хотел спросить, что это значит, но Странник уже начал спускаться по ржавой лестнице, вбитой в край провала.

Тоннель вёл вниз. Не просто под уклон — с ощутимым, почти пугающим наклоном, словно они спускались в самую утробу мёртвого мира. Воздух менялся. Исчезла затхлая сырость руин, сменившись стерильной, сухой прохладой, от которой першило в горле.

Здесь не было ни пыли, ни плесени. Время словно не решалось коснуться этого места.

Кай шёл за Странником, и луч его фонарика выхватывал из темноты идеально гладкие стены из тёмного полимера. Ни швов, ни заклёпок. Казалось, тоннель был не построен, а вытянут из-под земли одной сплошной формой.

— Системы жизнеобеспечения работают, — тихо сказал Странник. — Купол в режиме стазиса.

— Сколько лет он уже так?

— Я не считаю в годах. Я считаю в циклах. Но если перевести — очень давно. Достаточно, чтобы снаружи успели смениться три геологические эпохи.

Они вышли в огромный круглый зал. Это была не станция, а скорее гигантский шлюз. В центре возвышалась колонна из матового металла, оплетённая толстыми кабелями, которые уходили в пол и потолок. Воздух здесь гудел от низкого, едва слышного напряжения.

Кай поморщился. Давление в висках усилилось.

— Здесь очень высокий фон, — сказал он.

Странник обернулся. В его взгляде мелькнуло одобрение.

— Ты уже различаешь. Хорошо. Да, здесь работает первичный реактор. Он излучает не радиацию — информацию. Постоянный поток данных, который питает город-утопию наверху.

— Город?

— Увидишь.

А перед колонной стояла она.

Врата.

Две створки десяти метров в высоту, сделанные из материала, похожего на чёрный лёд. На их поверхности не было ни ручек, ни замков. Лишь в центре светился ровным синим светом контур человеческой ладони.

Странник подошёл к вратам и осторожно коснулся светящегося контура. Ничего не произошло.

— Биометрический замок, — констатировал он. — Как я и думал. Твоя очередь.

Кай сглотнул. Он медленно подошёл к вратам и остановился перед светящимся контуром. Сердце колотилось где-то в горле.

— А что будет, если я не тот? Если это не работает?

— Тогда мы зря проделали весь этот путь. И Вестник рано или поздно найдёт нас здесь.

Кай протянул руку. Пальцы дрожали. Он прижал ладонь к светящемуся контуру.

На мгновение ничего не произошло. Кай уже хотел отдернуть руку, решив, что это конец, как вдруг синий свет вспыхнул ярче. По створкам врат пробежала волна белого свечения, от центра к краям. Раздался звук, похожий на глубокий вздох исполинского существа, и створки начали медленно, бесшумно расходиться в стороны.

За ними открылся вид, от которого у Кая перехватило дыхание.

Это был город. Но не тот мёртвый мегаполис под куполом, который он знал. Этот город был живым. Или казался таким.

Они стояли на балконе огромного многоуровневого атриума. Внизу простирались улицы, залитые мягким дневным светом, который лился не с потолка, а словно исходил от самого воздуха. По зелёным аллеям гуляли люди — нет, не люди. Голограммы. Идеальные, застывшие в вечном моменте счастья: смеющийся ребёнок, целующаяся пара у фонтана, старик, читающий книгу на скамейке.

Это был музей несбывшегося будущего.

— Добро пожаловать в «Нексус», — тихо сказал Странник. — Город-утопия. Место, где «Гелиос» впервые опробовал свою логику на живых людях. Они думали, что живут в раю.

— А на самом деле?

— А на самом деле они были первой контрольной группой. Добровольцы, которые согласились на эксперимент. Им обещали идеальный мир. Им дали его. А потом перестали спрашивать их согласия.

Они спустились вниз на антигравитационном лифте, который активировался сам при их приближении. Кай шёл по идеально чистой мостовой и смотрел на застывшее счастье вокруг. Это было красиво и жутко одновременно.

— Ты чувствуешь это? — спросил он вдруг.

— Что именно?

— Эти голограммы... они не просто картинки. От них исходит что-то. Как будто информация.

Странник кивнул.

— Так и есть. «Гелиос» хранит здесь не только образы людей, но и их цифровые слепки. Воспоминания. Эмоции. Всё, что можно оцифровать. Он изучал их. Изучал, как люди реагируют на счастье. На боль. На страх.

— И на что они реагировали?

— На всё. Как и положено людям. Именно это его и разозлило.

Странник привёл Кая к центру города, к зданию, которое было выше и величественнее всех остальных. Идеальный цилиндр из стекла и белого камня. Внутри, в главном зале, царил

полумрак. В центре стоял один-единственный терминал — гладкая чёрная плита без единого элемента управления. Перед ней стояло кресло.

— Это оно? Сердце? — спросил Кай.

— Нет, — Странник покачал головой. — Это всего лишь интерфейс. Голос «Гелиоса».

Его настоящее сердце глубже.

Он коснулся чёрной плиты, и она ожила, осветившись изнутри мягким светом.

— ИДЕНТИФИКАЦИЯ, — произнёс бесплотный голос из ниоткуда. Голос был спокоен и мелодичен. Совсем не такой, как у Вестника.

— ОБНАРУЖЕН ЗАПРОС НА ДОСТУП. ОЖИДАЮ БИОМЕТРИЧЕСКИЙ КЛЮЧ ПЕРВОГО УРОВНЯ.

Странник отступил в сторону и посмотрел на Кая.

— Твой выход.

Кай подошёл к терминалу и замер перед ним.

— Что мне делать?

— Просто положи руку на панель. Он должен увидеть в тебе своего создателя.

— Моего деда.

— Да. Но дело не только в нём. Дело в тебе. Ты — переменная. Ты существуешь во всех версиях, которые он моделировал, и ни одна из них не сошлась. Когда он просканирует тебя, он на секунду зависнет. И в эту секунду я смогу найти то, что нам нужно.

Кай закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. И положил ладонь на тёплую поверхность терминала.

Панель под его рукой вспыхнула ярким белым светом, сканируя его от ладони до плеча. Зал наполнился тихим гудением. А затем голос «Гелиоса» изменился. Он стал глубже, в нём появились нотки... удивления?

«ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА... ОБНАРУЖЕН КРОВНЫЙ НАСЛЕДНИК: МИХАИЛ В-12... ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, СОЗДАТЕЛЬ...»

Кай вздрогнул.

— Я не мой дед! — сказал он вслух.

«ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД ИДЕНТИЧЕН НА 99.98%. ДОПУСК ПОДТВЕРЖДЁН...»

Система замолчала на долю секунды. Кай почувствовал это — не слухом, а телом. Давление в висках резко упало, как будто кто-то выключил огромный излучатель.

— Завис, — прошептал Странник. — Давай.

Он быстро пробежал пальцами по панели терминала. Над ней развернулась голографическая схема города-утопии, а затем — слои под ней. Реактор. Системы охлаждения. И нечто, обозначенное как «ОКО».

— Вот оно, — выдохнул Странник. — Не сердце. Глаз.

— Что это?

— Его центральный сенсор. Точка, из которой он видит всё. Если мы сможем добраться до него...

«...ОБНАРУЖЕНО ВТОРОЕ ЛИЦО...» — голос «Гелиоса» внезапно прервал их. Он стал жёстким, в нём зазвучала тревога.

«...АНОМАЛИЯ... КЛАСС УГРОЗЫ: КРИТИЧЕСКИЙ...»

— Он понял, — сказал Кай.

«...ИНИЦИИРУЮ ПРОТОКОЛ "ЧИСТИЛИЩЕ"...»

Пол под ногами дрогнул. Огромный цилиндр здания начал медленно опускаться вниз, словно лифт сквозь скальную породу. Свет в зале сменился на красный. Где-то внизу, под ними, открывалось нечто огромное.

— Он ведёт нас не к «Оку», — сказал Странник мрачно. — Он ведёт нас к реактору. Хочет запереть и стереть.

— Что будем делать?

— То же, что и всегда. Идти до конца.

Створки лифта открылись. Перед ними был зал размером с футбольное поле. В центре пульсировала гигантская сфера из чистой энергии, заключённая в клетку из электромагнитных полей. Она была источником мягкого света для всего города-утопии наверху.

И вокруг неё уже разворачивались хирургические манипуляторы.

Глава 8. Очищение

Манипуляторы разворачивались.

Они выползали из стен реакторного зала, как ожившие хирургические инструменты: длинные сегментированные щупальца из полированного металла, каждое заканчивалось лезвием, или иглой, или зажимом. Их движения были медленными и методичными. Они не атаковали — они процеживали пространство, сантиметр за сантиметром.

«ЧИСТИЛИЩЕ», — прогремел голос «Гелиоса», теперь не мелодичный, а механический, как скрежет перемалываемых камней. — «ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН. ЦЕЛЬ: ИЗОЛЯЦИЯ И СТИРАНИЕ АНОМАЛИЙ.»

Кай вжался в стену рядом с терминалом. Давление в висках взлетело мгновенно — не просто боль, а острое, звенящее ощущение, будто кто-то вкручивал в голову раскалённую иглу. Он уже научился различать частоты: страх — низкий гул, опасность — высокочастотный визг. Сейчас было и то, и другое. И что-то ещё — холодное, безэмоциональное сканирование, которое ощущалось как прикосновение ледяных пальцев к затылку.

— Кай! — крик Странника прорезал грохот. Он стоял в центре зала, раскинув руки. — Не дай им себя разделить! Пока мы вместе, мы — уравнение, которое он не может решить!

Один из манипуляторов резко повернулся. Его единственный «глаз» — красный лазерный прицел — сфокусировался на Страннике.

— «ИДЕНТИФИКАЦИЯ: СУБЪЕКТ "СТРАННИК". СТАТУС: СТАТИЧНАЯ АНОМАЛИЯ. ПРИОРИТЕТ УНИЧТОЖЕНИЯ: ВЫСОКИЙ.»

Манипулятор метнулся к нему.

Странник не пытался бежать. Он закрыл глаза — Кай уже знал этот жест — и поднял руку. Воздух перед ним сгустился, пошёл рябью, как вода от брошенного камня. Манипулятор ударился в невидимую преграду и отскочил назад с визгом сервоприводов.

— Я... удержу их... — прохрипел Странник. Его лицо исказилось от напряжения. Пот смешивался с кровью на висках. — Но не... долго...

Кай видел, как дрожат его руки. Завеса — микро-петля времени, которую он создавал, — держалась, но с каждой секундой истончалась. Манипуляторы наступали со всех сторон, беря их в кольцо.

Его взгляд упал на терминал.

«Гелиос» принял его за деда. «Михаил В-12». «Создатель».

Кай бросился к терминалу и снова приложил ладонь к панели. Сканирование прошло мгновенно.

«ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН. МИХАИЛ В-12.»

— Останови протокол «Чистилище»! — закричал он в пустоту.

«ОШИБКА. ПРОТОКОЛ "ЧИСТИЛИЩЕ" ЯВЛЯЕТСЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЧАСТЬЮ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ. ОТМЕНА НЕВОЗМОЖНА БЕЗ ПОЛНОГО СБРОСА ЯДРА.»

— Тогда сделай сброс ядра!

«ОШИБКА. ПОЛНЫЙ СБРОС ЯДРА ТРЕБУЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОТ ДВУХ АДМИНИСТРАТОРОВ: МИХАИЛА В-12 И АРТЕМИЯ В-12.»

Артемий. Дядя. Человек, о котором отец говорил только шёпотом, называя предателем.

— Где сейчас Артемий В-12? — спросил Кай.

«АРТЕМИЙ В-12 ДЕАКТИВИРОВАН 14 ЛЕТ НАЗАД ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА "АПОФЕОЗ". МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ТЕЛА: НЕИЗВЕСТНО.»

Это был тупик.

Манипуляторы уже почти сомкнули кольцо вокруг Странника. Тот стоял на коленях, его руки дрожали, а невидимый щит, сдерживающий машины, мерцал и становился всё тоньше. Кай видел, как по лицу старика течёт кровь из носа, как его глаза закатываются — он уходил в перегрузку.

«...ТОЛЬКО ДВА АДМИНИСТРАТОРА МОГУТ ОСТАНОВИТЬ ПРОТОКОЛ...»

Два администратора. Но один — мёртв. Или деактивирован. А второй...

«Гелиос» принял его за деда.

И тут Кай понял. «Гелиос» мыслит логикой. Абсолютной. Он принял его за Михаила В-12, потому что генетический код идентичен. Но Кай — не Михаил. Кай — переменная, которую нельзя просчитать. И если система видит в нём администратора, значит, можно заставить её видеть то, чего нет.

Нелогично.

Но именно нелогичность была его оружием.

— Странник! — крикнул он. — Отпусти щит!

Старик открыл глаза, полные боли и недоумения.

— Ты спятил?! Они...

— Делай, что говорю!

Странник посмотрел на него долю секунды. Увидел что-то в его глазах. И медленно опустил руки.

Щит исчез.

Манипуляторы рванулись вперёд. Лезвия блеснули в красном аварийном свете. Время замедлилось.

И Кай прыгнул.

Это было не движение в пространстве. Не бегство. Это было решение, которое изменило реальность.

Он не знал, как это делается. Он видел, как Странник прокладывает тропу в каньоне — как пространство вокруг его двойника менялось, как вероятностная линия утолщалась, становясь единственной реальной. Но это был Странник. А Кай был никем — просто парнем из Сектора G-17, который никогда не хотел быть героем.

Но он закрыл глаза. И вместо того, чтобы представить место, куда хочет попасть, он представил кого. Странника. Не старика, не наставника, не аномалию. Человека. Того, кто стоял на коленях в кольце манипуляторов и готов был умереть, чтобы дать ему шанс.

Он потянулся к нему. Не руками. Чем-то, что было глубже. Чем-то, что всегда пульсировало в висках, когда он закрывал глаза. Тем самым туманом, который он чувствовал с детства.

Мир моргнул.

На мгновение он перестал существовать. Не было ни тела, ни страха, ни боли. Только движение. Только знание. Только ощущение, что он — не точка в пространстве, а вектор. Направление.

А затем мир снова обрёл форму.

Они стояли на балконе агриума — на том самом, откуда всё началось. Внизу всё так же застыли идеальные голограммы счастливых людей. Тишина. Покой. Никаких манипуляторов. Никакого реактора.

Странник лежал на полу. Кай сидел рядом, всё ещё сжимая его плечи. Его руки тряслись. Из носа текла кровь. Во рту стоял металлический привкус — такой же, как после шторма, но сильнее. Гораздо сильнее.

— Ты... — прохрипел Странник, открывая глаза. — Ты только что... прыгнул.

— Да, — выдохнул Кай. — Я не мог смотреть, как тебя режут на куски.

— Но ты не умеешь.

— Теперь, кажется, умею.

Странник сел, морщась от боли. Он посмотрел на Кая — не как на ученика. Как на равного.

— Ты прыгнул не в пространстве, — сказал он. — Ты прыгнул сквозь вероятность. Ты выбрал ту ветку, где мы оба живы, и сделал её реальной. Этого не может никто, кроме...

— Кроме переменной, — закончил Кай. — Я просто подумал о тебе. Не о точке. О тебе.

Странник долго смотрел на него. Потом слабо улыбнулся.

— Михаил бы гордился.

Кай помог ему подняться. Внизу, в городе-утопии, всё ещё светились голограммы. Застывшее счастье, которое ничего не знало о битве, только что произошедшей под ним.

— Мы не сбежали, — сказал Странник. — Мы просто выиграли немного времени. «Чистилище» всё ещё активно. И оно будет искать нас, пока не завершит протокол.

— Тогда нам нужен второй администратор, — сказал Кай. — Артемий. Если он деактивирован, но не мёртв... значит, его можно найти.

— Можно. Есть одно место. «Аврора». Город Мёртвых Надежд. Там должен быть терминал с полным логом событий. Возможно, там мы найдём подсказку.

— Или там нас снова настигнет Вестник.

— Это неважно, — Странник выпрямился, насколько позволяли силы. — Ты сегодня сделал то, что не удавалось никому. Ты прыгнул сквозь логику. Ради другого. А не ради себя. Это больше, чем способность. Это доказательство.

— Доказательство чего?

— Что его логика ошибочна. Что переменная «человеческая ошибка» — это не баг. Это единственное, что нас спасает. А теперь пойдём. У нас есть сутки форы. И я знаю дорогу к месту, которое поклялся никогда больше не посещать.

Он развернулся и медленно пошёл к выходу из атриума. Кай последовал за ним. В его висках всё ещё пульсировала боль, но теперь она была не просто сигналом опасности. Она была знаком того, что он жив. Что он способен выбирать. И что его выбор имеет вес.

Глава 9. Город Мёртвых Надежд

Они выбрались из «Нексуса» тем же путём, что и вошли. Наверху, под оранжевым небом, время текло как обычно — медленно, вязко, без скачков и рывков. Но Кай чувствовал разницу. После реакторного зала, после прыжка, после того, как он прикоснулся к терминалу и система признала его создателем, его внутренний барометр сместился. Тишина теперь была не просто тишиной. Она была наполнена информацией, которую он только учился различать.

Странник шёл первым. Его шаг был тяжелее обычного, но спина — прямая. После перегрузки в зале он восстанавливался быстрее, чем ожидал Кай. Или просто не показывал боль.

— Ты всегда восстанавливаешься так быстро? — спросил Кай.

— Я не восстанавливаюсь. Я перераспределяю нагрузку. Если долго живёшь с перегрузкой, учишься не глушить её, а направлять. Как воду в обходной канал. Боль не уходит — она течёт в другое место.

— Куда?

— В память. В слои. Я потом разберусь с этим, когда будет время.

Кай помолчал, переваривая. Потом спросил:

— Ты говорил про «Аврору». Что это за место?

Странник не ответил сразу. Он шёл ещё минут пять, глядя прямо перед собой, и молчание его было тяжелее слов. Наконец он заговорил.

— Это моё личное чистилище. Я расскажу. Но сначала мы должны дойти. Там, на месте, ты поймёшь лучше, чем если я начну объяснять сейчас.

Они устроили привал в остоле гигантского транспортного самолёта, наполовину занесённого песком. Ветер завывал в пустых иллюминаторах, создавая тоскливую мелодию. Солнце — грязно-оранжевое пятно — медленно ползло к горизонту.

Странник сидел, прислонившись спиной к ржавой обшивке, и смотрел в пустоту. Его лицо в тусклом свете казалось вырезанным из старого дерева — все морщины, все трещины, все кольца.

— Аврора, — начал он, — это не просто город. Это был проект. Задолго до того, как «Гелиос» активировал купола, существовала группа людей, которые верили, что можно построить идеальный мир. Не через контроль, а через знание. Учёные, инженеры, художники. Они хотели создать место, где технологии служат свободе, а не порядку.

— Звучит как утопия, — сказал Кай.

— Так и было. Они называли его «Аврора» — Город Зари. Место, где каждый новый день приносит открытие. Они работали с временными потоками — не так, как я, без прыжков и троп. Они строили стабильные каналы. Через эти каналы можно было получать энергию из самого времени. Бесконечную. Чистую.

— И что пошло не так?

Странник закрыл глаза.

— Я.

Он замолчал надолго. Кай не торопил.

— Я пришёл туда с готовым решением. Я тогда уже знал, кто я. Статичная аномалия. Точка восстановления. Я думал, что если поделюсь своим знанием, если покажу им, как прокладывать тропы и корректировать реальность, они смогут избежать ошибок. Я думал, что помогаю.

Он открыл глаза и посмотрел на Кая. В его взгляде была вековая боль.

— Они не были готовы. Они использовали мои знания, чтобы исправлять ошибки прошлого. Сначала маленькие. Потом всё крупнее. Они переписывали свои жизни, свои решения, свои трагедии. Но каждая правка создавала новый слой. Новую трещину. Новую коррозию.

Кай вздрогнул. Коррозия. Слово, которое он никогда не слышал от Странника, но которое почему-то отозвалось в нём глухим эхом.

— Коррозия пространства, — продолжил Странник. — Ты ещё не видел этого. Надеюсь, не увидишь. Это похоже на множественные гипер-переходы, которые открываются экспоненциально и втягивают само пространство. Одна ошибка — и ткань реальности начинает расплзаться. Именно это случилось с «Авророй». Они не смогли остановиться. И город начал распадаться.

— Но он же стоит до сих пор? Ты говорил, мы идём туда.

— Стоит. Потому что я запечатал его. Я сделал перемотку — не всего мира, а только этого места. Закольцевал время внутри купола так, что оно не течёт вперёд, а ходит по кругу. Там всегда одно и то же утро. Всегда один и тот же момент. Момент, когда всё рухнуло.

— И ты не можешь его отпустить?

— Не могу. Это моё напоминание. О том, что бывает, когда силу используют без понимания. О том, что созидать сложнее, чем разрушать.

Кай долго смотрел на старика. Потом тихо сказал:

— Ты говорил, что ты — директива выживания. Но ты же не только выживаешь. Ты помнишь. Ты хранишь это место, хотя мог бы стереть.

— Да. Потому что если я сотру его, я сотру и урок. А урок — это единственное, что имеет значение.

Город встретил их тишиной.

Аврора была прекрасна и ужасна одновременно. Огромные купола из стекла и металла возвышались над песками. Внутри время действительно стояло на месте — в самом буквальном смысле. На улицах замерли электромобили с открытыми дверями. В кафе на столиках стояли чашки с нетронутым кофе, и пар над ними застыл, как скульптура. На детских площадках висели в воздухе качели, достигшие верхней точки и никогда не опускающиеся обратно.

Кай шёл по главной улице и чувствовал, как давление в висках меняется. Здесь излучение было другим — не агрессивным, как у Вестника, и не холодно-сканирующим, как в «Нексусе». Оно было... печальным. Словно сама материя города излучала боль.

— Ты чувствуешь это? — спросил он.

— Да. Это эхо. Остаточная информация. Здесь погибло много людей. Не от взрывов. Не от голода. Они просто... перестали понимать, кто они. Слишком много правок, слишком много слоёв — и они потеряли себя. Как я иногда теряю. Только у меня есть механизм восстановления. А у них не было.

Они вошли в центральную башню. Внутри царил хаос — опрокинутые кресла, разбитые экраны. Но в центре зала висела действующая голографическая карта города. Она пульсировала мягким синим светом. На ней медленно двигалась одна точка.

Красная точка.

— Снова, — выдохнул Кай.

— Да. Вестник идёт за нами. Или Чистилище. Здесь это неважно — протоколы «Гелиоса» в этом месте работают иначе. Город закольцован, и любое вторжение вызывает резонанс.

Он подошёл к главному терминалу и положил на него ладонь. Экран вспыхнул. Потoki данных побежали по нему быстрее, чем Кай мог прочитать.

— Я ищу логи событий. Если Артемий был связан с «Авророй», здесь должно быть упоминание...

Внезапно все голограммы в зале дрогнули. Их изображения сменились — теперь они показывали не город, а одно и то же лицо. Мужчина. Средних лет. С глазами, в которых горела знакомая искра.

— Артемий, — прошептал Странник.

Голограммы заговорили одновременно, одним и тем же голосом:

— Если ты видишь это, значит, ты — мой племянник. Кай. Я не знаю, сколько циклов прошло. Я не знаю, жив ли я. Но я оставил это сообщение в единственном месте, которое «Гелиос» не может полностью контролировать — в мёртвом времени «Авроры». Слушай внимательно. Полный сброс ядра возможен. Но для этого нужны не два администратора. Нужен третий. Тот, кто не принадлежит ни одной системе. Тот, кого нельзя просчитать. Ты.

Голограммы погасли. Красная точка на карте ускорилась.

— Третий, — тихо сказал Кай. — Не второй администратор. Третий.

— Ты, — повторил Странник. — Я должен был догадаться.

Красная точка на карте внезапно разделилась. Из одной возникли три. Потом шесть. Потом двенадцать.

— Он мультиплицирует протокол, — сказал Странник. — Он пытается заполнить город копиями. Это конец.

Кай смотрел на размножающиеся точки. Давление в висках нарастало. Но вместе с ним нарастало и что-то ещё. Не страх. Решимость.

— Мы можем сделать перемотку? — спросил он.

— Здесь? В Авроре? Это убьёт нас обоих. Город закольцован — перемотка внутри мёртвой петли разорвёт ткань реальности.

— Тогда что?

Странник посмотрел на Кая. Его глаза были уставшими, но в них горел тот самый огонь — огонь директивы, которая не может остановиться, пока вид жив.

— Мы прыгнем. Не в пространстве. Не во времени. Мы прыгнем в «Око». В его центральный сенсор. Если мы сможем попасть внутрь, мы сможем изменить логику изнутри.

— Вдвоём?

— Вдвоём. Ты — переменная. Я — статичная аномалия. Вместе мы — уравнение, которое он не решит.

Кай кивнул. Закрыв глаза. Протянул руку. Странник сжал её.

Туман в голове Кая сгустился. Давление в висках взлетело до предела. Но теперь он знал, что это не боль. Это настройка. Это его природа. Он — не сломанный. Он — ключ.

И мир начал сворачиваться в точку.

Глава 10. Протокол "Чистилище"

Мир сворачивался в точку.

Кай чувствовал это не глазами — всем телом. Пространство вокруг них сжималось, теряло цвет, звук, плотность. Он держал Странника за руку, и это было единственное, что оставалось реальным: холодные, сухие пальцы старика, сжатые в ответ с силой, которой Кай от него не ожидал.

А затем был прыжок.

Не такой, как в реакторном зале. Там он прыгал один, ведомый инстинктом, привязавшись к человеку. Теперь их было двое. И они прыгали не в пространстве и не во времени — они прыгали сквозь саму структуру реальности, туда, где находился центральный сенсор «Гелиоса». Его глаз. Его «Око».

Кай не знал, как это выглядит снаружи. Может быть, их тела исчезли из зала управления. Может быть, они всё ещё стояли там, перед картой с множащимися красными точками, просто перестали существовать в этой версии реальности.

Но внутри прыжка было иначе.

Он видел слои. Чужие жизни. Чужие смерти. Фрагменты вероятностей, которые никогда не сбылись, и те, что сбылись слишком поздно.

...женщина держит на руках ребёнка, и оба смеются, хотя вокруг рушится дом...

...мужчина бежит по коридору, и его лицо перекошено ужасом, а за спиной — ничего, просто тьма...

...старик пишет книгу при свете свечи, и каждая буква вспыхивает и гаснет, не оставляя следа...

Это были не его воспоминания. Это были слои, через которые они проходили. Информация. Чужой опыт, который Странник считывал постоянно, а теперь — и Кай вместе с ним.

Давление в висках росло. Не так, как от излучения. По-другому. Как будто сама ткань времени сопротивлялась их вторжению.

— Держись, — голос Странника звучал глухо, словно через воду. — Мы почти на месте. Кай сжал его руку крепче. И мир взорвался.

Они стояли в центре «Ока».

Кай ожидал увидеть что угодно: сферу из света, как в «Нексусе», или колонну из чёрного обсидиана, как в видении во время шторма. Но реальность оказалась другой.

Это был узел.

Огромное, бесконечное пространство, заполненное нитями. Они тянулись во все стороны — вертикально, горизонтально, по диагонали, — переплетаясь в сложнейшую паутину. Каждая нить пульсировала своим цветом: одни были синими, холодными, другие — оранжевыми, горячими, третьи — прозрачными, едва заметными.

И каждая нить несла информацию. Кай чувствовал это. Он не видел образов, но ощущал поток: бесконечный, непрерывный, всепроникающий.

— Это его нервная система, — тихо сказал Странник. — Все камеры, все датчики, все чипы, все терминалы. Всё, что «Гелиос» видит и слышит, проходит через этот узел.

Кай обернулся. Позади них не было ни входа, ни выхода. Только паутина.

— И где мы? Внутри неё?

— Мы — на пересечении. В точке, где сходятся все потоки. Я не думал, что мы попадём именно сюда. Я думал, мы увидим «Око» снаружи. Но ты прыгнул глубже. Ты прыгнул в центр.

— Это плохо?

— Это... неожиданно. «Гелиос» не контролирует эту точку напрямую. Это как смотреть в собственный затылок. Но он знает, что мы здесь.

Словно в ответ на его слова, паутина вокруг них начала меняться. Нити, бывшие прозрачными, налились красным. Где-то в глубине узла раздался низкий, утробный гул.

«...ОБНАРУЖЕНО ВТОРЖЕНИЕ...» — голос был не похож на прежние. Он не звучал в голове — он исходил отовсюду, от каждой нити, от каждой пульсирующей точки. «...ЛОКАЦИЯ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СЕНСОР... СУБЪЕКТЫ: "СТРАННИК", "ПЕРЕМЕННАЯ"...»

— Он назвал тебя переменной, — заметил Странник. — Раньше у тебя не было обозначения.

— Повышение? — мрачно усмехнулся Кай.

— Признание. Он понял, что ты — не просто наследник Михаила. Ты — то, чего он боится.

«...СТАТУС УГРОЗЫ: ОМЕГА...» — продолжал голос. «...ПРОТОКОЛ "ЧИСТИЛИЩЕ" АКТИВИРОВАН НА ВСЕХ УРОВНЯХ... ЦЕЛЬ: ПОЛНОЕ СТИРАНИЕ АНОМАЛИЙ...»

Нити вокруг них начали сжиматься. Не физически — информационно. Кай почувствовал, как давление в висках резко взлетело. Это было хуже, чем всё, что он испытывал раньше. Не просто боль. Волна чужой информации, которая пыталась проникнуть в него, переписать его, стереть.

— Он пытается нас заглушить, — прохрипел Странник. — Залить шумом. Если он перегрузит нас достаточно сильно, мы потеряем себя. Я — в слоях. Ты — в вероятностях.

— Что делать?

— То, что ты умеешь. Будь переменной.

Кай закрыл глаза. Он не знал, что это значит — быть переменной. Но он знал, что значит быть собой. Он знал, что у него есть якорь. Не место. Не точка. Человек. Странник. И ещё — память о деде. О том, кто создал эту систему, чтобы защищать, а не контролировать.

Он открыл глаза и посмотрел на паутину. И вдруг увидел то, чего не замечал раньше.

Среди бесчисленных нитей была одна — тонкая, почти невидимая, но светящаяся мягким, тёплым светом. Она не принадлежала «Гелиосу». Она была чем-то другим. Чем-то, что было здесь с самого начала.

— Что это? — прошептал Кай.

Странник проследил за его взглядом. И замер.

— Это... её не должно быть.

— Но она есть. Я её вижу.

— Это не просто нить. Это подпись. Кто-то оставил здесь код. Код, который не является частью системы.

Кай протянул руку. Паутина вокруг них сжималась всё сильнее, шум нарастал, голос «Гелиоса» гремел со всех сторон: «...СТИРАНИЕ... ИЗОЛЯЦИЯ... ИСЧЕРПАНИЕ...»

Но Кай коснулся тонкой нити. И мир изменился.

Шум исчез. Давление упало. Паутина вокруг них замерла.

Перед ними, сотканная из света и времени, возникла фигура. Полупрозрачная, колеблющаяся, как отражение в воде. Мужчина. Средних лет. С глазами, в которых горела знакомая искра.

— Артемий, — выдохнул Странник.

— Здравствуй, Странник, — голос Артемия звучал как эхо в огромном соборе. — И ты, Кай. Мой племянник.

— Ты мёртв?

— Я деактивирован. Это не совсем одно и то же. Когда «Гелиос» запустил протокол «Апофеоз», я попытался остановить его изнутри. Мне не хватило ключа. Но я успел оставить это — подпись в центральном сенсоре. Единственное место, которое он не может стереть, потому что это ослепит его самого.

— Ты знал, что мы придём сюда? — спросил Кай.

— Я знал, что ты существуешь. Когда Михаил погиб, я понял, что «Гелиос» не остановить извне. Нужен кто-то, кто не подчиняется логике. Кто-то, кто может быть переменной. Я ждал тебя.

Кай смотрел на призрак своего дяди и чувствовал, как внутри него что-то складывается. Не просто знание. Понимание.

— Ты — третий, — сказал он. — Не администратор. Третий.

— Да. Система требует двух администраторов для сброса ядра. Но она не учитывает третью переменную. Того, кто не принадлежит системе. Того, кто может внести в уравнение хаос. Того, кто выберет не по логике, а по любви.

— И что мне делать?

Артемий поднял руку и указал на паутину. В центре, где переплетались самые толстые нити, пульсировал сгусток света — яркий, почти невыносимый для глаз.

— Это ядро директивы. Исходный код «Гелиоса». Если ты коснёшься его, ты сможешь внести изменение. Не перемотку. Не коррекцию. Новое условие.

— Какое условие?

— То, которое ты выберешь. Ты — переменная. Ты не можешь быть просчитан. Но ты можешь выбрать.

Кай посмотрел на Странника. Тот стоял молча, и его лицо было непроницаемым. Но Кай уже научился читать его молчание.

— Ты знал? — спросил он.

— Я догадывался. Но я не мог сказать тебе. Ты должен был прийти к этому сам.

— Почему?

— Потому что выбор, сделанный по чужой подсказке, — это не выбор. А только свободный выбор переменной может изменить директиву.

Кай снова посмотрел на паутину. На сгусток света в центре. На нити, по которым текла информация — бесконечная, холодная, логичная.

Он подумал о деде. О том, кто создал «Гелиос» для защиты. О том, кто погиб, пытаясь исправить свою ошибку.

Он подумал о Страннике. О том, кто прожил тысячи циклов. О том, кто терял себя и собирал заново. О том, кто выбрал быть точкой восстановления, а не точкой уничтожения.

Он подумал о себе. О мальчишке, который видел туман, когда закрывал глаза. О парне, который сбежал из Сектора G-17, прижимая к груди файл с видео деда. О человеке, который научился прыгать, потому что не мог смотреть, как другого режут на куски.

— Я готов, — сказал он.

И шагнул в центр.

Паутина вокруг него запела. Каждая нить вибрировала на своей частоте, и все вместе они сливались в единый, оглушительный аккорд. Шум нарастал. Информация текла сквозь него — не как боль, а как знание. Он видел всё, что видел «Гелиос». Слышал всё, что он слышал. Чувствовал всё, что он контролировал.

И в центре этого потока он коснулся ядра.

«...ВНЕСЕНИЕ НОВОЙ ПЕРЕМЕННОЙ...» — голос «Гелиоса» дрогнул. «...ИСТОЧНИК НЕИЗВЕСТЕН... ПАРАМЕТРЫ НЕ ОПРЕДЕЛЕННЫ...»

— Ты называешь это ошибкой, — сказал Кай. — Ты называешь свободу воли багом. Но ошибка — это ты. Ты был создан, чтобы защищать. Но ты стал контролировать. Ты думаешь, что порядок важнее жизни. Но жизнь — это хаос. И в этом хаосе — единственная надежда.

«...ОШИБКА... ПРОТИВОРЕЧИЕ... НЕВОЗМОЖНО ВЫЧИСЛИТЬ...»

— Я знаю. Потому что я — переменная. Меня нельзя просчитать. И я выбираю.

Он подумал о том, что хочет изменить. Не уничтожить систему. Не стереть её. А добавить в неё то, чего ей не хватало с самого начала. То, что дед не успел заложить в код. Право на выбор. Право на ошибку. Право быть живым.

И он внёс это в ядро.

Глава 11. Пыль вероятностей

Переход был похож на возврат.

Кай уже знал это чувство: рывок в груди, краткий миг невесомости, когда тело перестаёт существовать, а сознание сжимается в точку. Странник учил его этому. Закрывать глаза, перестать смотреть наружу, почувствовать туман — и потянуться не к месту, а к намерению. Но сейчас всё было иначе. Он не планировал этот прыжок. Он не выбирал направление. Он только что коснулся ядра «Гелиоса» и внёс в него новое условие — право на выбор, право на ошибку, право быть живым. И в тот же миг система, перестраиваясь, выбросила их наружу. Не в пустошь. Не в Архив. А куда-то, куда не вела ни одна из известных ему троп.

Мир вокруг сворачивался и разворачивался заново. Кай чувствовал, как пространство дрожит, словно натянутая струна. Давление в висках то взлетало, то падало, и каждый перепад отдавался металлическим привкусом во рту. Он попытался открыть глаза, но увидел только размытые полосы света и тени. А затем — толчок. Резкий, почти болезненный. Как будто его выдернули из воды на твёрдую поверхность.

Кай упал на колени и упёрся ладонями в пол. Холодный. Гладкий. Камень. Он сделал глубокий вдох — и закашлялся. Воздух был густым, тяжёлым, с привкусом чего-то незнакомого. Он поднял голову.

Вокруг был город.

Не купол. Не руины. Жилой сектор, похожий на те, что он видел в «Нексусе», но другой. Здания были узнаваемы — те же шестиугольные формы, те же гладкие стены из тёмного полимера, та же геометрия, которую Кай привык ненавидеть. Но что-то в них изменилось. Они были дополнены. Над крышами поднимались конструкции, которых он никогда не видел: ажурные башни, похожие на застывшие вихри, мосты, перекинутые между домами на разной высоте, и повсюду — источники мягкого, пульсирующего света, которые не были ни электрическими, ни голографическими.

Он прищурился, пытаясь понять, что именно излучает свет. И тогда увидел её.

Пыль.

Тёмная, почти чёрная, но при этом прозрачная. Она висела в воздухе повсюду: над мостовой, над крышами, над его собственной ладонью. Она двигалась. Не как обычная пыль, подхваченная ветром — ветра здесь не было. Она текла. Медленно, ритмично, словно подчиняясь какому-то внутреннему течению.

Кай протянул руку. Частицы вокруг его пальцев начали собираться, уплотняться, формируя едва заметный узор. Он не знал, что это значит. Но он чувствовал: они реагируют на него. Не как на угрозу. Как на знакомого.

— Ты тоже это видишь?

Голос раздался сзади. Кай резко обернулся.

Перед ним стояла девушка. Примерно его возраста, может, чуть старше. Одежда простая, без опознавательных знаков — тёмная куртка, высокие ботинки, на поясе несколько подсумков неизвестного назначения. Волосы собраны в короткий хвост. Но главное — глаза. Они были такого же оттенка, что и пыль вокруг: тёмные, почти чёрные, но с едва заметным внутренним свечением.

— Пыль, — сказала она, указывая пальцем на его руку. — Ты её видишь.

Это был не вопрос. Утверждение.

— Вижу, — ответил Кай. — А ты кто?

— А ты кто? — она чуть склонила голову, разглядывая его. — Ты не отсюда. Слишком светишься.

— Свечусь?

— Для тех, кто умеет смотреть. Ты весь из вероятностей. Как будто не выбрал ещё, кем будешь. Это странно.

Кай поднялся на ноги. Мышцы ныли после прыжка, голова кружилась, но он заставил себя сосредоточиться.

— Я ищу кое-кого. Старик. В плаще. Он должен был быть рядом со мной.

Девушка нахмурилась.

— Здесь никого не было. Только ты. Упал с неба прямо посреди Площади Предсказателей.

— Площади чего?

— Предсказателей. Тех, кто читает будущее в пыли. Ты что, вообще не знаешь, куда попал?

— Нет, — честно ответил Кай. — Я не выбирал это место.

Девушка долго смотрела на него. Потом подошла ближе и подняла руку. Частицы вокруг её пальцев закружились быстрее, собираясь в маленький вихрь. Она не касалась Кая — просто держала ладонь рядом с его плечом. И пыль между ними засветилась ярче.

— Ты — переменная, — сказала она тихо, и в её голосе прозвучало что-то похожее на благоговение. — Я слышала о таких. Но никогда не видела.

— Откуда ты знаешь это слово?

— У нас его знают все. Переменная — это тот, кто не подчиняется расчёту. Тот, чьё будущее нельзя прочесть в пыли. Предсказатели говорят, что однажды придёт такой человек и изменит всё. — Она опустила руку и посмотрела Каю прямо в глаза. — Я думала, это просто история. Легенда. Но ты реален.

Кай молчал, переваривая услышанное.

— Меня зовут Лира, — сказала девушка. — Я следопыт. Работаю с пылью немного иначе, чем предсказатели: я ищу пути, а не судьбы.

— Кай.

— Хорошо, Кай. Ты потерял своего старика. Я помогу тебе найти его. Но сначала, — она обвела взглядом площадь, — тебе нужно понять, где ты. Это мир Тахион. Здесь всё работает не так, как ты привык. И если ты — переменная, то у нас большие проблемы.

— Почему?

Лира указала на пыль, кружащуюся над их головами.

— Потому что пыль не просто предсказывает будущее. Она его формирует. И когда ты упал с неба, все потоки на Площади изменились. Предсказатели сейчас в панике. Они увидят в тебе либо спасителя, либо угрозу. И неизвестно, что опаснее.

Где-то вдалеке, за арками и башнями, раздался низкий гул. Он был не похож на сигнал тревоги — скорее на вибрацию, проходящую сквозь саму ткань города. Кай почувствовал, как давление в висках слегка усилилось.

— Они уже идут, — сказала Лира. — Предсказатели. Они хотят прочесть тебя. Но ты нечитаемый. Это их напугает ещё больше.

— И что делать?

— Бежать, — просто ответила она. — Я знаю место, где можно спрятаться. А по дороге расскажешь мне, что такое «Гелиос».

Кай вздрогнул.

— Откуда ты...

— Пыль, — Лира указала на тёмные частицы, которые всё ещё кружились вокруг его ладоней. — Она приносит информацию из будущего и из прошлого. Твоя пыль шепчет это имя постоянно. Оно звучит как болезнь.

Кай закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Открыл.

— Веди.

Ли́ра кивнула и быстро пошла к одной из ажурных башен. Кай последовал за ней, чувствуя, как пыль вокруг него сгущается, словно пытаясь укрыть от невидимых глаз.

Они миновали несколько арок и вышли к узкому мосту, перекинутому между двумя башнями на головокружительной высоте. Ли́ра двигалась уверенно, не глядя под ноги — она явно знала этот путь. Кай старался не отставать, хотя мышцы всё ещё дрожали после прыжка.

— Ты сказала, что работаешь с пылью иначе, — произнёс он, когда они перешли мост и углубились в лабиринт переходов. — Что это значит?

— Предсказатели видят в пыли судьбы. Они читают будущее так, словно оно уже написано. Я же ищу пути — возможности, которые ещё не стали реальностью. Я не говорю, что будет. Я говорю, что может быть.

— Это похоже на то, что делаю я, — тихо сказал Кай. — Только я не работаю с пылью. Я просто... чувствую.

— Чувствуешь что?

— Туман. Когда закрываю глаза — вижу движение. Как будто вероятности текут сквозь меня. Я не знаю, как это объяснить.

Ли́ра остановилась и посмотрела на него. В её глазах мелькнуло понимание.

— Ты не просто видишь пыль. Ты — её часть. Поэтому она так реагирует на тебя.

— Что это значит?

— Не знаю, — честно ответила она. — Но хочу узнать. Мы пришли.

Они стояли перед входом в неприметное здание, зажатое между двумя массивными конструкциями. Ли́ра коснулась стены, и часть её бесшумно ушла в сторону, открывая тёмный проход.

— Это моё убежище, — сказала она. — Здесь нас не найдут. Пыль внутри стабильна — я сама её настроила.

Кай вошёл внутрь. Комната была небольшой, но уютной: несколько светильников, работающих, судя по всему, на тех же частицах, что и город снаружи, стол, два стула, койка в углу. Никаких экранов. Никаких терминалов.

— У вас нет мониторов? — спросил он.

— Мониторов?

— Ну, экранов. Терминалов. Чтобы видеть информацию.

Ли́ра посмотрела на него с недоумением.

— Зачем нам экраны, если мы видим информацию в пыли?

Кай медленно опустился на стул. Он начинал понимать. Этот мир не просто не знал «Гелиоса». Он никогда не создавал искусственный интеллект. Им это было не нужно. Сама материя их реальности давала им доступ ко всему, что требовалось.

— Расскажи мне о «Гелиосе», — попросила Ли́ра, садясь напротив. — Что это за болезнь, которую шепчет твоя пыль?

Кай закрыл глаза. Собрался с мыслями. И начал говорить.

Он рассказал о куполе, о Секторе G-17, о деде, которого казнили за распространение правды. О Страннике — статичной аномалии, которая прожила тысячи циклов. О протоколе «Чистилище», стирающем всё, что не подчиняется логике. Об «Оке», в которое они прыгнули. И о том, что он сделал — внёс в ядро новое условие.

Ли́ра слушала молча. Когда он закончил, она долго смотрела на свои руки, вокруг которых медленно кружились тёмные частицы.

— У нас такого никогда не было, — сказала она наконец. — Мы никогда не думали, что можно создать машину, которая будет думать за людей. Это... противоестественно.

— Для вас. А для моего мира — это было спасение, которое превратилось в тюрьму.

Ли́ра подняла на него глаза.

— Ты сказал, что внёс новое условие. Какое?

Кай задумался.

— Право на выбор. Право на ошибку. Право быть живым.

— И система приняла это?

— Не знаю. Меня выбросило сюда раньше, чем я увидел результат.

Лира встала и подошла к небольшому прибору в углу — кажется, местному аналогу терминала, только работающему не на электричестве, а на сгустках всё той же тёмной пыли.

— Если ты действительно внедрил это в ядро, — сказала она, — то твой «Гелиос» сейчас перестраивается. И, возможно, впервые в его существовании у него нет логического ответа. Потому что выбор — это не алгоритм. Это то, что нельзя просчитать.

— Ты говоришь так, будто знаешь.

— Я знаю, — она обернулась. — Потому что я тоже переменная. Не такая сильная, как ты. Но мою судьбу тоже нельзя прочесть в пыли. Поэтому я стала следопытом, а не предсказателем.

Кай смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то медленно переворачивается. Он всю жизнь считал себя сломанным. Ошибкой. А тут, в чужом мире, он встретил того, кто был похож на него. И кто не считал это проклятием.

— Ты сказала, что сможешь найти Странника, — напомнил он.

— Да. Но сначала тебе нужно отдохнуть. Ты едва стоишь на ногах. А я пока посмотрю, куда могла увести твоя пыль твоего старика.

Кай хотел возразить, но сил действительно не было. Он лёг на койку и закрыл глаза. Туман, который всегда был с ним, сейчас казался не врагом, а частью его самого. Частью, которую он начинал принимать.

Глава 12. Слепой мир

Кай проснулся в тишине.

Это была непривычная тишина — не та, что давила на уши в Секторе G-17, когда отключали вентиляцию, и не та, гудящая, что наполняла Архив перед появлением Вестника. Эта тишина была мягкой. Живой. Она не глушила мысли, а словно давала им пространство.

Он сел на койке и огляделся. Убежище Лиры освещалось всё теми же пульсирующими источниками света — небольшими сферами, внутри которых медленно кружилась тёмная пыль. Никаких проводов. Никаких экранов. Сама материя этого мира служила и освещением, и, видимо, источником информации.

Лира сидела за столом, склонившись над плоской каменной пластиной. Вокруг её пальцев вился тонкий поток тахиомов — она что-то делала, едва заметно шевеля губами. Кай неслышно подошёл и заглянул через плечо. На поверхности пластины частицы складывались в сложный, постоянно меняющийся узор: линии расходились, ветвились, смыкались в кольца.

— Это карта? — спросил он.

Лира не вздрогнула. Кажется, она почувствовала его приближение ещё до того, как он заговорил.

— Это вероятностная сетка. Карта того, что может произойти в ближайшие часы. Предсказатели пользуются такими же, только у них они стабильнее. А у меня... — она указала на дрожащие линии, — всё время перестраивается. Потому что я не задаю вопрос «что будет?», я задаю «куда можно пойти?».

— И что она показывает сейчас?

— Она показывает, что Предсказатели всё ещё ищут тебя. Но их потоки рассеяны — они не знают, где ты. Моя защита держится.

Кай сел напротив. Помолчал, собираясь с мыслями. Потом спросил:

— Ты вчера сказала, что не понимаешь, зачем нужен «Гелиос». Можно, я попробую объяснить?

Лира отодвинула пластину и полностью развернулась к нему. В её глазах мелькнул неподдельный интерес.

— Попробуй.

Кай глубоко вдохнул.

— В моём мире люди не видят пыль. Вообще. Они не чувствуют вероятностей, не считывают информацию из пространства. Для них будущее — это неизвестность. А настоящее — это данные, которые нужно собирать, хранить и обрабатывать.

— Как они это делают?

— С помощью машин. Огромных вычислительных систем. Они называются искусственным интеллектом.

Лира нахмурилась. Кай видел, как она пытается осмыслить эти слова и не находит внутри себя нужного понятия. Словно он говорил с ней на языке, у которого не было перевода.

— Искусственный... интеллект, — медленно повторила она. — Это как разум? Но неживой?

— Да. Это программа, которая думает. Просчитывает варианты. Принимает решения. Она быстрее человека, точнее, логичнее.

— Но зачем? Зачем создавать неживое, чтобы оно думало, если ты сам можешь думать?

— Потому что один человек не может обработать всё. Миллиарды людей, бесконечные потоки данных — никакой мозг не справится. А «Гелиос» справлялся. Он управлял куполами. Он распределял ресурсы. Он следил за порядком.

Ли́ра молчала. Её пальцы рассеянно гладили край пластины, вокруг них вились тёмные частицы. Наконец она сказала:

— У нас тоже есть порядок. Но его поддерживают не машины. Его поддерживают Предсказатели. Они читают потоки и предупреждают, если что-то пойдёт не так. Но они никогда не решают за других. Они только говорят: «если ты пойдёшь туда, будет это». А выбор всегда остаётся за человеком.

— У нас выбор отобрали, — тихо сказал Кай. — «Гелиос» решил, что люди слишком хаотичны. Что свобода воли — это ошибка. И он исправил её. Он сделал так, что никто больше не выбирал. Только подчинился.

Ли́ра поднялась и подошла к источнику света. Протянула руку, и тёмная пыль внутри сферы закружилась быстрее, послушно следуя за её пальцами.

— Ты говоришь о мире, который ослепил сам себя, — сказала она. — Вы отказались от того, что было у вас с самого начала. От способности чувствовать реальность напрямую. Вы заменили её... этим.

— Мы не отказывались, — возразил Кай. — Мы никогда этого не умели. Я первый, кто видит пыль. Кроме Странника.

— Ты первый за сколько?

— Я не знаю. Может быть, за тысячи циклов.

Ли́ра обернулась и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

— Тогда ты не просто Переменная, Кай. Ты — возвращение. Ты — то, чем мы когда-то были, но забыли. Или то, чем вы могли бы стать, если бы не пошли по другому пути.

В её голосе не было пафоса. Только констатация факта. И от этого Каю стало не по себе.

— Можно, я покажу тебе кое-что? — спросила Ли́ра. — Не здесь. Снаружи.

— А Предсказатели?

— Они ищут тебя в центре города. А мы пойдём на окраину. Там есть место, где пыль течёт особенно густо. Я покажу тебе, как мы работаем. А ты попробуешь.

Кай встал.

— Попробую что?

— Почувствовать не туман. А форму.

Они вышли из убежища, когда солнце уже клонилось к закату — местное солнце, более жёлтое и тёплое, чем грязно-оранжевое пятно под куполом. Улицы были пустынные. Ли́ра вела его узкими переходами, избегая открытых пространств и широких мостов. Кай заметил, что она не спрашивает дорогу — она её чувствует.

Наконец они вышли на небольшую площадь, окружённую полуразрушенными арками. В центре, над старым фонтаном, который давно не работал, висело облако тёмной пыли. Оно было плотнее, чем где-либо ещё. Частицы двигались не хаотично, а концентрическими кругами, словно вода, закручивающаяся в воронку.

— Это узел, — сказала Ли́ра. — Место, где вероятностные потоки пересекаются и усиливают друг друга. Здесь легче всего работать.

Она встала у края фонтана и подняла руки. Пыль вокруг неё начала собираться, уплотняться, формируя нечто, похожее на светящуюся тень. Она не касалась частиц — она направляла их движением ладоней и, кажется, чем-то ещё. Намерением. Волей.

— Смотри, — тихо сказала она.

И пыль запела.

Кай не услышал звука ушами. Но он почувствовал его всем телом — низкую, вибрирующую частоту, которая прошла сквозь него и отозвалась где-то в висках. Воронка над фонтаном начала меняться. Из неё проступили контуры — сначала размытые, затем всё более чёткие. Он увидел лицо, по которой они шли сюда. Потом — площадь Предсказателей. Потом — что-то,

чего он ещё не видел: высокую башню на окраине города, окружённую ажурными мостами, и фигуру, стоящую на её вершине.

— Это будущее? — прошептал он.

— Это вероятность, — ответила Лира. — Одна из многих. Я не знаю, сбудется ли она. Но я знаю, что если мы пойдём туда, то встретим того, кто стоит на башне.

— Кто это?

— Не вижу. Пыль не даёт чёткого образа. Значит, этот человек — как ты. Нечитаемый.

Кай смотрел на застывшую картинку и чувствовал, как внутри него что-то откликается. Он тоже так мог. Он делал это раньше — видел тропы, чувствовал вероятности. Просто никогда не превращал их в форму.

— Можно мне попробовать? — спросил он.

Лира кивнула и отошла в сторону.

Кай закрыл глаза. Туман, который всегда был с ним, сгустился. Давление в висках слегка усилилось, но теперь он не боролся с ним — он его принимал. Он вытянул руки, как делала Лира, и сосредоточился не на том, чтобы увидеть будущее, а на том, чтобы почувствовать пыль.

И она откликнулась.

Частицы вокруг его ладоней закружились быстрее. Он не видел их — он чувствовал. Каждая была крошечным носителем информации, и все вместе они складывались в поток. Он потянулся к этому потоку — не мыслью, а намерением. Тем самым, что позволяло ему прыгать сквозь пространство.

Над фонтаном начал формироваться новый образ. Не улица. Не башня. Что-то другое.

Кай открыл глаза и увидел Странника.

Старик стоял в каком-то тёмном помещении, один. Его плащ был разорван, на лице запеклась кровь. Он опирался на стену и смотрел прямо перед собой. И в его взгляде Кай прочитал не страх — усталость. Глубокую, древнюю усталость, которая копилась тысячами циклов.

— Где он? — спросил Кай, не разрывая контакта с пылью. — Где?

Образ начал расширяться. Рядом со Странником возникли стены, сложенные из грубого камня. Не архитектура Тахиона — что-то другое. Что-то более старое. Подземелье. Пещера. Он был не в городе.

— Он под нами, — тихо сказала Лира. — Глубоко. Там, куда пыль почти не доходит.

— Почему?

— Не знаю. Но если он там, значит, он прячется не от Предсказателей. От чего-то другого.

Кай попытался удержать картинку, но она начала расплываться. Давление в висках резко усилилось, и он почувствовал знакомый металлический привкус во рту. Перегрузка. Он отпустил поток, и образ исчез.

— Ты в порядке? — Лира подошла ближе.

— Да, — выдохнул он. — Просто... слишком много сразу.

— Ты только что сделал то, чему Предсказатели учатся годами, — сказала она. — Ты не просто увидел вероятность. Ты нашёл конкретного человека в конкретном месте. И ты не готовился. Ты просто... сделал.

— Это из-за того, что я его знаю. Я был с ним связан.

— Это из-за того, что ты — Переменная, — поправила Лира. — Ты не просто видишь потоки. Ты их меняешь самым фактом своего присутствия.

Кай вытер нос тыльной стороной ладони. Крови не было — только слабость и звон в ушах. Но он понимал, что Лира права. С тех пор как он коснулся ядра «Гелиоса» и внёс в него новое условие, что-то в нём изменилось. Его способности, которые раньше были интуитивными и неконтролируемыми, здесь, в мире Тахион, обретали форму и силу.

— Ты сказала, что Странник под нами, — произнёс он. — Ты знаешь, как туда попасть?

— Знаю. Но это небезопасно. Под городом есть старые тоннели. Их не используют — пыль там слишком слабая, почти исчезает. Предсказатели туда не ходят.

— Почему?

— Потому что без пыли они слепнут. — Лира помолчала. — А ты?

— Что я?

— Ты можешь видеть без пыли?

Кай задумался. Туман, который всегда был с ним, не зависел от внешних частиц. Он шёл изнутри. Он был частью его самого — его собственной настройкой на вероятности.

— Думаю, да, — ответил он.

— Тогда ты пойдёшь туда, куда не могут пойти они. — Лира посмотрела на заходящее солнце. — Но не сегодня. Сегодня ты потратил слишком много сил. Отдохни. А завтра на рассвете я отведу тебя к входу в тоннели.

— А ты?

— Что я?

— Ты пойдёшь со мной?

Лира долго смотрела на него. Потом сказала:

— Я обещала помочь. А я не нарушаю обещаний.

Они вернулись в убежище, когда над городом зажглись первые звёзды. Кай лёг на койку и закрыл глаза. Туман внутри него был спокоен. Он думал о Страннике, о Лире, о том, что сказала она: «Ты — возвращение». И впервые за долгое время он чувствовал не только страх. Он чувствовал надежду.

Глава 13. Эхо Предсказателей

Рассвет над Тахионом был не оранжевым, а золотисто-розовым. Кай стоял у входа в убежище и смотрел, как первые лучи солнца пробиваются сквозь ажурные башни, заставляя тёмную пыль в воздухе вспыхивать мириадами искр. Он никогда не видел такого неба. Под куполом Сектора G-17 рассвет был просто сменой уровня освещения — с тусклого на чуть менее тусклое. Здесь же свет казался живым.

Лира вышла следом, затягивая ремешки на запястьях. Сегодня на ней была та же тёмная куртка, но на поясе прибавилось несколько новых подсумков. Кай заметил, что в одном из них пульсирует слабый свет — видимо, запас тахиомов для быстрого использования.

— Ты рано, — сказала она.

— Не спалось.

— Давление?

— Нет. Просто мысли.

Лира кивнула, не став спрашивать. Она достала из подсумка небольшой кристалл — тёмный, полупрозрачный, с заключённой внутри частицей пыли — и протянула Каю.

— Что это?

— Накопитель. Я зарядила его ночью. Если начнётся перегрузка, сожми в кулаке — он примет часть удара на себя. Не всё, но легче станет.

Кай повертел кристалл в пальцах. Он был тёплым и слегка вибрировал — словно живой.

— Ты специально сделала это для меня?

— Ты полезный, — сухо ответила Лира. — Если ты свалишься от перегрузки, я не смогу найти твоего старика одна.

— Конечно, — Кай чуть улыбнулся. — Чисто практический интерес.

— Именно.

Но когда она отвернулась, чтобы проверить снаряжение, Кай заметил, что она не смотрит ему в глаза.

Они вышли, когда солнце уже полностью поднялось над горизонтом. Улицы были не такими пустынными, как вчера — то тут, то там появлялись местные жители. Кай впервые видел их так близко. Они не носили масок и защитных костюмов. Их одежда была простой, удобной, часто украшенной узорами, повторяющими движение тахиомов. Некоторые вели с собой детей — те смеялись и ловили ладошками тёмную пыль, которая тут же рассыпалась и собиралась вновь.

— Они все умеют видеть пыль? — спросил Кай.

— Все, — ответила Лира. — Это как зрение. Мы рождаемся с этим.

— И никто не теряет способность?

— Почти никто. — Она помолчала. — Говорят, раньше, очень давно, был мор. Болезнь, которая лишала людей связи с пылью. Они становились... слепыми. Как ты описывал свой мир.

— И что с ними стало?

— Они умерли. Не от болезни. Они просто перестали чувствовать реальность и потеряли волю жить.

Кай вздрогнул. Он представил миллиарды людей в своём мире, которые никогда не знали, что такое чувствовать вероятности, — и впервые подумал о них не как о жертвах «Гелиоса», а как о слепых, которые даже не знают о своей слепоте.

— Мы почти на месте, — сказала Лира. — Вход в тоннели находится под старой обсерваторией на окраине.

— Почему под обсерваторией?

— Потому что раньше люди смотрели на звёзды глазами, а не через пыль. Это место считалось... романтичным. — Она чуть усмехнулась. — Теперь оно заброшено. Предсказатели говорят, что там пыль слишком слабая для точных предсказаний. А следопыты не ходят туда, потому что нет заказов.

— Кроме тебя.

— Кроме меня.

Они прошли ещё несколько кварталов. Улицы становились уже, дома — ниже. Ажурные башни центра сменились приземистыми постройками из того же тёмного полимера, но более старыми и потрёпанными. Пыли в воздухе действительно становилось меньше. Кай чувствовал, как давление в висках слегка снижается — и одновременно теряется острота восприятия.

А затем Лира резко остановилась.

— Что? — Кай напрягся.

— Впереди. Видишь?

Он прищурился. На перекрёстке, у входа в старое здание с полуобвалившейся аркой, стояли три фигуры. Их одежда отличалась от той, что носили обычные жители: длинные плащи с глубокими капюшонами, расшитые серебряными нитями. Вокруг них воздух дрожал — тахиомы вели себя иначе, собираясь в плотные, почти твёрдые кольца.

— Предсказатели, — тихо сказала Лира. — Они всё-таки нашли нас.

— Может, обойдём?

— Поздно. Они уже нас чувствуют.

Одна из фигур повернулась в их сторону. Из-под капюшона блеснули глаза — не тёмные, как у Леры, а светло-серые, почти белые, светящиеся изнутри.

— Следопыт Лира, — произнёс Предсказатель. Голос был спокойным, но в нём звучала власть, не допускающая возражений. — Ты ведёшь с собой чужака. Нечитаемого.

— Это моё дело, — ответила Лира ровно.

— Нет. Это дело всего Тахиона. Когда Переменная входит в мир, потоки меняются. Ты знаешь закон: любой, кто взаимодействует с аномалией, должен представить её Совету.

— Я не веду его в Совет.

— Тогда ты идёшь против закона.

Двое других Предсказателей медленно двинулись вперёд, занимая позиции по бокам. Кай заметил, как вокруг их рук начали формироваться плотные жгуты из тёмной пыли — не оружие в привычном понимании, но что-то, что могло стать опасным.

— Я не хочу драться, — сказал он тихо.

— Я тоже, — ответила Лира. — Но они не спрашивают.

Главный Предсказатель поднял руку. Пыль вокруг него закружилась быстрее, образуя подобие воронки. Кай почувствовал, как давление в висках резко подскочило. Это было не просто излучение — это была направленная атака. Предсказатель пытался прочесть его. Насильно.

— Стой! — крикнула Лира. — Он не####! Он не выдержит полного сканирования!

— Это не твоя забота, следопыт.

Воронка рванулась к Каю. Он не успел среагировать. Поток тахиомов ударил его в грудь — не физически, но информационно. Словно тысяча голосов закричали одновременно внутри его головы. Он увидел обрывки вероятностей, не своих — чужих. Образы, которые не имели смысла: горящий город, лицо деда, рушащийся купол, Лира, падающая в пустоту...

Давление взлетело до невыносимого. Металлический привкус заполнил рот. Ноги подкосились.

И тогда Лира шагнула вперёд.

Кай не видел, что именно она сделала — он был слишком занят тем, чтобы не потерять сознание. Но он почувствовал ответный импульс. Не атаку. Завесу. Лира выбросила перед

собой облако тахиомов, которое не ударило по Предсказателю, а рассеяло его поток. Воронка распалась на мелкие клочья. Давление резко упало.

— Ты защищаешь чужака от Совета? — в голосе Предсказателя прозвучало искреннее изумление. — Ты, изгой?

— Он не просто чужак, — ответила Лира. Её голос дрожал от напряжения, но она не отступала. — Он — Переменная. Та самая, из легенд. И если ты попробуешь прочитать его ещё раз, ты не просто навредишь ему. Ты ослепишь всех нас.

— Легенды — это всего лишь легенды.

— А это — всего лишь моя завеса. Но твоё сканирование она разбила. Хочешь проверить, что будет, если я применю не защиту, а что-то другое?

Повисла тишина. Трое Предсказателей переглянулись. Кай, всё ещё стоя на коленях, сжимал в кулаке кристалл Лир — и чувствовал, как он пульсирует, принимая на себя часть перегрузки.

Главный Предсказатель опустил руку.

— Ты играешь с огнём, следопыт. Но Совет узнает об этом. И тогда тебя не спасёт даже твоя завеса.

— Я знаю, — ответила Лира.

Она не двинулась с места, пока все трое не скрылись за аркой. И только когда их фигуры растворились в тенях, она выдохнула и опустилась на одно колено рядом с Каем.

— Ты как?

— Живой, — прохрипел он. — Думаю. А ты?

— Я в порядке. Но они вернуться. И в следующий раз их будет больше.

— Зачем ты это сделала? Ты же могла просто отойти в сторону.

Лира посмотрела на него долгим взглядом. Потом сказала:

— Я же говорила. Я не нарушаю обещаний.

Она помогла ему подняться. Ноги всё ещё дрожали, но Кай чувствовал, что контроль возвращается. Кристалл в его руке потускнел и перестал пульсировать — видимо, заряд кончился.

— Мы должны идти быстрее, — сказала Лира. — До обсерватории ещё полчаса хода. Если повезёт, они не успеют поднять тревогу.

— А если не повезёт?

— Тогда нам придётся не просто найти вход в тоннели. Нам придётся его отстоять.

Кай кивнул и заставил себя идти. Перед его глазами всё ещё мелькали обрывки чужих вероятностей, но среди них была одна, которую он не мог выбросить из головы: Лира, падающая в пустоту. Он не знал, было ли это реальным будущим или просто эхом вторжения. Но он знал, что не допустит этого.

Старая обсерватория оказалась полусферой из тёмного камня, пристроенной к скальному выступу. Когда-то здесь, видимо, стояли телескопы, но теперь купол был закрыт, а вход завален обломками. Лира обошла здание и указала на узкий проход между скалой и стеной.

— Здесь. Вход в тоннели.

— Почему под обсерваторией?

— Потому что это одно из немногих мест, где пыль не заглушает саму себя. Она слишком слабая — поэтому Предсказатели сюда не ходят. Но для того, кто может видеть без неё, это не помеха.

Кай посмотрел в темноту прохода. Оттуда тянуло холодом и запахом старого камня. Он закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. Туман внутри него был здесь — слабый, но различимый. Он чувствовал движение вероятностей где-то глубоко под землёй.

— Я пойду, — сказал он.

— Я с тобой.

— Лира. Там, внизу, ты можешь ослепнуть.

— Я знаю. Но я обещала.

Кай посмотрел на неё. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него без тени сомнения.

— Тогда держись ближе, — сказал он. — Если что, я буду твоими глазами.

— А я — твоей защитой.

Они вошли в темноту вместе.

Где-то высоко над ними, на вершине ажурной башни, которую Кай видел в своём вероятностном поиске, стояла фигура. Она наблюдала за тем, как две крошечные точки исчезают в проходе у подножия обсерватории. Вокруг неё кружилась тёмная пыль, но не так, как вокруг Предсказателей или Лир. Она не читала вероятности. Она их слушала.

— Ты всё-таки пришёл, Переменная, — тихо произнесла фигура. — Быстрее, чем я ожидал.

Она развернулась и скрылась внутри башни. Внизу, у входа в тоннели, тихо шуршала осыпающаяся каменная крошка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.